К ИСТОРИИ СПОРА О ПОДЛИННОСТИ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» (ИЗ ПЕРЕПИСКИ АКАДЕМИКА Д. С. ЛИХАЧЕВА)

(ПУБЛИКАЦИЯ Л. В. СОКОЛОВОЙ)

Есть в науке проблемы, неожиданно перерастающие из узкоспециальных в общекультурные. Дискуссии по ним проходят остро, напряженно и вызывают живейший интерес у широкого круга специалистов. Вопрос о времени создания «Слова о полку Игореве» — наглядный тому пример.

Еще в XIX веке была впервые высказана «скептическая» точка зрения, согласно которой «Слово» было создано не в XII веке, как считает большинство исследователей этого памятника, а в XVIII веке. Особенно широкий размах дискуссия между защитниками древности «Слова» и скептиками приобретала дважды: после появления серии статей французского слависта Андре Мазона, изданных в 1940 году отдельной книгой, и после доклада известного московского историка Александра Александровича Зимина, прочитанного 27 февраля 1963 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, материалы которого были опубликованы в ряде статей 60-х годов.

Как и А. Мазон, А. А. Зимин полагал, что «Слово» было создано в XVIII веке архимандритом Иоилем Быковским, но, в отличие от Мазона, Зимин считал, что Иоиль создавал «Слово» не как подделку, стилизацию под древний памятник, а как героическую поэму на древний сюжет. За древнерусское же произведение «Слово» выдал, по мнению А. А. Зимина, А. И. Мусин-Пушкин.

О докладе А. А. Зимина и его основном тезисе тотчас стало известно за границей. Полагая, что докладчик располагал какой-то «документацией» и что он «едва ли бы решился посягнуть на такое произведение, как „Слово“, ⟨...⟩ если бы у него ⟨...⟩ не было ничего, кроме остроумной гипотезы и произвольного субъективного домысла» («Русская мысль». 1963. 1 июня), некоторые слависты сочли вопрос о времени создания «Слова» решенным, в связи с чем кое-где предполагалось исключить этот памятник из университетских курсов. Под угрозой срыва оказались в некоторых зарубежных издательствах издания «Слова». Серьезные зарубежные слависты, не склонные верить кому бы то ни было на слово, просили в письмах к Д. С. Лихачеву прислать тезисы или резюме доклада и ратовали за скорейшее издание работы А. А. Зимина, чтобы можно было познакомиться со всеми его аргументами.

Все понимали, что поднят вопрос «большой научной и общекультурной важности» (Р. О. Якобсон в письме от 24 марта 1963 года), «национального значения» (письмо Д. С. Лихачева от 29 августа), и предполагали, что он так или иначе будет затронут на V съезде славистов, который должен был состояться в сентябре того же года в Софии. В западных научных кругах высказывалось пожелание, чтобы А. А. Зимину была дана возможность обосновать на этом съезде свою теорию.

Все это требовало как можно скорее опубликовать отчет о докладе и дискуссии по нему, а также книгу А. А. Зимина и работы исследователей, полемизирующих с ним. Однако в ЦК КПСС решено было поступить иначе: провести закрытое обсуждение изданной небольшим тиражом (около 100 экземпляров) на ротапринте книги А. А. Зимина, против чего возражали как сторонники А. А. Зимина (и он сам), так и многие его оппоненты, например Д. С. Лихачев, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий и другие. До этого закрытого обсуждения запрещено было печатать какие-либо материалы по докладу, в том числе отчет о заседании, на котором он был прочитан.

Закрытое обсуждение книги А. А. Зимина, которое вначале предполагалось провести до съезда славистов, по разным причинам откладывалось и состоялось в мае 1964 года в Отделении истории АН СССР.

С тех пор прошло 30 лет. Срок, вполне достаточный для снятия «грифа секретности» с архивных материалов. В мае этого года академик Дмитрий Сергеевич Лихачев передал письма из своего личного архива, раскрывающие историю дискуссии, в рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Их мы и предлагаем вниманию читателей. В основном это письма, адресованные Д. С. Лихачеву. В архиве сохранились также машинописные копии писем Д. С. Лихачева, преимущественно официальным лицам, которые он писал на машинке и на которые ожидал официальной реакции. Копии писем к частным лицам Д. С. Лихачев как правило не оставлял себе. Есть надежда, что эти письма хранятся в личных архивах Р. О. Якобсона, Н. К. Гудзия, А. Н. Робинсона, Н. Е. Андреева, А. В. Соловьева, А. Н. Грабара, Н. М. Дылевского, Б. Н. Двинянинова, А. А. Зимина и др. Надеемся, что публикация писем из архива Д. С. Лихачева поможет понять обстановку, в которой проходила дискуссия 63—64 годов и, возможно, разрушит некоторые мифы, с ней связанные.

В этом номере журнала публикуются в хронологическом порядке письма 1963 года, рассказывающие о реакции на доклад А. А. Зимина отечественных и зарубежных филологов, а также о попытках сектора древнерусской литературы опубликовать в журнале «Русская литература» отчет-хронику о докладе А. А. Зимина и книгу последнего.

В следующем номере будут опубликованы письма 1964 года, рассказывающие о подготовке к закрытому обсуждению книги А. А. Зимина.

1

Письмо А. А. Зимина

15 февраля 1963.

Дорогой Дмитрий Сергеевич!

У меня к Вам большая просьба. Не смогли бы Вы поставить на заседании Вашего сектора в ближайшее свободное время мой доклад на тему «К изучению „Слова о полку Игореве“»? В этом докладе мне хотелось бы поделиться своими соображениями по темным и малоизученным вопросам истории текста этого памятника в связи с историей Руси XII в. Мне кажется, что взгляд историка может способствовать прояснению этих вопросов.

Если такая возможность поставить мой доклад представится, — напишите, пожалуйста, на какое число будет намечено заседание, и я приеду.

Желаю Вам всего самого доброго.

Валя [1] передает Вам поклон.

Всегда Ваш А. Зимин

[1] Валентина Григорьевна Зимина, жена А. А. Зимина.

2

Письмо А. А. Зимина

28 февраля 1963.

Дорогой Дмитрий Сергеевич!

Страшно был расстроен Вашей тяжелой болезнью.[1] От всей души желаю Вам скорейшего выздоровления, новых радостей и вдохновенного труда. Очень печально, что не смог до доклада поговорить с Вами (я предварительно говорил с Левой).[2] Хочется в следующий приезд подробно рассказать Вам о своей работе, посоветоваться о ее перспективах, услышать Ваши замечания, без которых мне нельзя и думать о завершении книги.

Еще раз желаю Вам самого главного — здоровья. Уж кто-кто, а я-то знаю, что такое болезнь желудка.

Всегда Ваш А. Зимин.

[1] Д. С. Лихачев был оперирован и лежал в больнице.

[2] Лев Александрович Дмитриев, сотрудник сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (далее ИРЛИ), в 1963 г. кандидат филологических наук. По воспоминаниям вдовы Л. А. Дмитриева, Руфины Петровны Дмитриевой (тогда сотрудницы сектора древнерусской литературы ИРЛИ, кандидата филологических наук), А. А. Зимин познакомил их со своей концепцией накануне доклада.

3

Письмо Р. О. Якобсона [1]

24 марта 1963.

Дорогой Дмитрий Сергеевич, четвертый том моих сочинений — Slavic Epic Studies — ныне печатается и должен выйти накануне Софийского съезда славистов. Послесловие еще не послано в типографию, и я очень хотел бы откликнуться в нем на недавний доклад историка Зимина.[2] К сожалению, мне известен только его вывод, а не аргументы докладчика. Буду Вам бесконечно признателен за изложение основных доводов или за присылку краткого резюме, если таковое существует. А ежели обещанная книга или хотя бы статьи Зимина (или о его концепции) появятся в течение ближайших недель или даже двух-трех месяцев, не откажите прислать их мне воздушной почтой. Это научный вопрос настолько большой научной и общекультурной важности, что я чувствую необходимым безотлагательно на него отозваться. Надеюсь, обе книги и оттиски, а также недавнее письмо, все нотки которого остаются в силе, Вами получены.

Жму руку.

Преданный Р. Якобсон.

Мой адрес с апреля до августа: 538, Foothill Road, Stanford, California. Только на вторую половину мая я еду в Европу — с 20-го по 23-е читаю лекции в Оксфорде и Лондоне, а 27—29-го буду на совещании Польской Академии Наук (c/o Prof. Mayerowa).

[1] Роман Осипович Якобсон — филолог, профессор Гарвардского университета, один из основных оппонентов А. Мазона на Западе.

[2] Отклик Р. О. Якобсона на доклад А. А. Зимина см.: Jakobson Roman. Selected Writings. V. 4. Slavic Epic Studies. The Hague-Paris, 1966. P. 656 и след.

4

Письмо О. В. Творогова [1]

После 27 марта 1963.

Дорогой Дмитрий Сергеевич!

Очень рад самой возможности написать Вам и еще раз, на этот раз — «индивидуально» пожелать Вам скорейшего окончательного выздоровления.

Посылаю Вам машинопись «стенограммы» М. А. Салминой.[2] Я ее литературно не обрабатывал, и сделал это преднамеренно — чтобы не внести никакого субъективизма в записи.

Но и эти записи не дадут Вам полного представления о всем «зиминском» вопросе, поэтому дополню его еще некоторыми важными деталями.

Об обсуждении Вы, вероятно, уже слышали. Выступали: Л. А. Дмитриев, Д. Н. Альшиц,[3] Г. Н. Моисеева,[4] Л. С. Ковтун,[5] Я. С. Лурье [6] и я. Ну, и кроме нас и И. П. Еремина,[7] выступившего с заключ(ительным) словом, кроме всех защитников «Слова», выступил и С. А.,[8] как и следовало ожидать, горячо поддержавший эту гипотезу.

В Ленинграде (за исключением некоторых историков) в большинстве положительно оценивают выступления защитников «Слова». К сожалению, «переживая» грядущее выступление, я не уловил всех деталей аргументации Л. А.,[9] но скажу лишь, что он выступил против интерпретации литературной истории «Задонщины» в докладе.

Я в своем выступлении (поддержанном последующим выступлением Л. С. Ковтун), сказал примерно следующее:

— Зим(ин) не дает ответ на основной вопрос: *как и на каком языке* было написано «Слово» Иоилем.

— Если допустить факт «творчества честного», а не подделки, то как объяснить обилие темных мест, не понятых издателем. Ведь в их руках, по словам Зим(ина), был же подлинник — рукопись Иоиля.

— Неясны мотивы и цели создания памятника. Очень неубедительна гипотеза о «вставках», сделанных Мус(иным) — Пушк(иным): например, он вставляет слова «Тмут(араканский) болван», для «прославления» своей находки (надписи Глеба), а переводит слово «болв(ан)» как истукан!

— Зимин представляет позицию защитников «Слова» как утверждение, что список XV—XVI вв. был копией списка XII в., игнорируя историю текста, в ходе которой могли быть и были неизбежно поновления, интерполяции и т. д. и т. п. Так что «новые» ориентализмы не доказывают, как утверждает Зимин, позднее происхождение «Слова».

В ответ Зимин бросил: «В „Слове“ 200 слов, которых нет в других памятниках. Объясните это!!»

Да, это нужно объяснить.

На другой день я отправился к Б. А. Ларину [10] и там, в присутствии Б. Л. Богородского,[11] подробно рассказав обо всем, предложил: я составляю полный словник СОПИ и выясняю, какие слова действительно требуют специальных разысканий — могут служить аргументами (тогда Ларин, Богор(одский), Ковтун и я — проведем специальные разыскания — это предложил Ларин).

И вот неделя тревожных вечеров, пока мы с женой составляли словник и устанавливали гапаксы и редкие слова. Да, действительно, Зимин «прав»: около 200 слов нет в списках до XV в. включит(ельно), но от этих 200 остается жалкая кучка, если учесть целый ряд чисто лингвистических характеристик, например,

наличие однокоренн⟨ых⟩ и морфол⟨огически⟩ близких слов, наличие слов в поздних списках древ⟨них⟩ памятников и т. д.

Я разговаривал с Н. А. Мещерским [12] и М. К. Каргером.[13] Оба без колебаний упрекают Зимина в большом числе «натяжек» и прямых ошибок.

Очень фантастичен и процесс создания «Слова», по Зимину. Иоиль написал «искреннее, высокохудожеств⟨енное⟩» произведение, которое переписал полууставом М⟨усин⟩-П⟨ушкин⟩ и при этом наделал столько ошибок, что «Слово» потемнело от темных мест! Как неправдоподобно. И Ларин, и Мещерский утверждают, что ни один чел⟨овек⟩ XVIII в. не мог так знать язык XII в., это опять-таки не учитывает Зимин.

Словом, беспокоиться не надо, из этой полемики мы выйдем еще более уверенными победителями.

Все секторяне шлют Вам самый большой привет. Все усердно трудятся. В среду — доклад Демина.[14]

Еще раз желаю скорейшего выздоровления.

Всегда всегда Ваш О. Тв⟨орогов⟩.

P. S. Простите за небрежность почерка и стиля — пишу в трамвае!

[1] Олег Викторович Творогов — сотрудник сектора древнерусской литературы ИРЛИ, в 1963 г. кандидат филологических наук.

[2] Марина Алексеевна Салмина — сотрудница сектора древнерусской литературы ИРЛИ, кандидат филологических наук.

[3] Даниил Натанович Альшиц — сотрудник отдела рукописей ГПБ (РНБ), в 1963 г. кандидат исторических наук.

[4] Галина Николаевна Моисеева — сотрудница сектора литературы XVIII в. ИРЛИ, в 1963 г. кандидат филологических наук.

[5] Людмила Степановна Ковтун — лингвист, сотрудница Словарного сектора Института русского языка АН СССР (Ленинград), в 1963 г. кандидат филологических наук.

[6] Яков Соломонович Лурье — сотрудник сектора древнерусской литературы ИРЛИ, доктор филологических наук (с 1962).

[7] Игорь Петрович Еремин — доктор филологических наук (с 1937 г.), заведующий кафедрой истории русской литературы филологического факультета ЛГУ (с 1951 г.), ранее сотрудник сектора древнерусской литературы ИРЛИ.

[8] Сергей Николаевич Азбелев, сотрудник сектора устного народного творчества ИРЛИ, в 1963 г. кандидат исторических наук.

[9] Лев Александрович Дмитриев.

[10] Борис Александрович Ларин — доктор филологических наук (с 1948 г.), профессор, заведующий межкафедральным словарным кабинетом филологического факультета ЛГУ, академик АН Лит. ССР. Совместно с Д. С. Лихачевым и Б. Л. Богородским редактировал Словарь-справочник «Слова о полку Игореве».

[11] Борис Леонидович Богородский — в 1963 г. кандидат филологических наук, доцент ЛГПИ им. А. И. Герцена.

[12] Никита Александрович Мещерский — доктор филологических наук (с 1958 г.), профессор кафедры русского языка филфака ЛГУ, заведующий кафедрой русского языка ЛГУ (с 1963 г.).

[13] Михаил Константинович Каргер — археолог, искусствовед, профессор, заведующий кафедрой искусствоведения исторического факультета ЛГУ.

[14] Доклад Анатолия Сергеевича Демина (тогда аспиранта сектора древнерусской литературы ИРЛИ) был прочитан 3 апреля 1963 г.

5

Письмо А. В. Соловьева [1]

30 марта 1963.

Дорогой Димитрий Сергеевич,

наша переписка давно уже оборвалась, не знаю по чьей вине. Между тем хочется с Вами обменяться мнениями.

Во-первых, посылаю Вам обратно очень давно присланный Вами том XV-й Уч⟨еных⟩ Зап⟨исок⟩ ЛГПИ с ценной статьей А. Н. Котляренко,[2] из которой я сделал выписки. Кстати, напечатала ли она всю работу о «Задонщине» как пам⟨ятнике⟩ русского яз⟨ыка⟩ конца XIV в.,[3] из которой данная является лишь отрывком? Если да, то не откажите указать, где именно.

Во-вторых, посылаю Вам и книгу С. А. Пештича,[4] так как я получил из Польши второй ее экземпляр. Вам она пригодится, можете ее обменять на другую. Надо сказать, что я не получил XVIII-го тома ТОДРЛ (1962), хотя А. Н. Грабар [5] давно прислал мне оттиск своей статьи из этого тома. Не можете ли Вы мне прислать этот том? Затем хочется Вас спросить, что Вы сделали с моими «Десятью заметками к „Слову о полку Игореве“»?[6] Если Вам не удается их сдать в печать, то не вернете ли Вы мне рукопись? Я тогда постараюсь перевести ее на французский и постараюсь где-нибудь поместить.

К сожалению, «мазонщина» — заразная болезнь, все распространяющаяся за границей. Кафедры в Оксфорде, в Кембридже и Зап⟨адном⟩ Берлине заняты мазонистами (не говоря о Франции), и я стараюсь с ними бороться даже частными письмами. Сам Мазон вернулся из Москвы и распространяет слухи, что у него все больше тайных сторонников в Сов⟨етском⟩ Союзе, начиная с В. В. Виноградова;[7] а Е. Ф. Хилль [8] (в Кембридже) на днях заявила, что в Москве «вышла работа, доказывающая, что „Слово“ — подделка Мусина-Пушкина». Автора она не указала. Известно ли Вам что-нибудь об этом?

Между тем Мазон нашел сейчас третьего «плагиатора»; отвергнув прежние свои гипотезы о Мусине-Пушкине (1938) и Бантыше-Каменском (1944), он теперь окрылился мыслью, что «Слово» подделал архим⟨андрит⟩ Иоиль Быковский, и уже без «империалистических целей», а просто как упражнение в риторике, как «рацею». Это он уже высказал мимоходом в своей «Ревю дез Этюд Слав», т. 41 (1962), 218—219 и в статейке о «Тмутараканском болване», там же, т. 39 (1961), 138—139. Вероятно, он в скором времени опубликует об этом целое исследование.

Мне недавно пришло в голову новое соображение: почему в Кир⟨илло⟩-Бел⟨озерском⟩ списке «Задонщины» Боян воспевает Рюрика, Игоря Рюриковича и Святослава Ярославича, а не упоминает ни вещего Олега, ни храброго Святослава Игоревича, ни его сына — Владимира Красное Солнышко? Это бессмысленно, и все следующие редакции исправили это место, введя Владимира Св⟨ятославича⟩ и исключив Святослава Ярославича (ум. 1076 г.). Мне ясно, что Кир⟨илло⟩-Б⟨елозерский⟩ список здесь особенно под влиянием «Слова», где видно (из фразы «Рек Боян и Ходына»), что Боян был песнотворцем именно Святослава Ярославича. А имя Игоря, 35 раз названное в «Слове», так засело в мозгу иерея Софония, что он сделал объектом славы Бояна неудачливого Игоря Рюриковича, вовсе не заслужившего «славы». Состряпал об этом небольшую статью и послал ее Р. О. Якобсону в Харвард: авось напечатает.

Все еще не закончил статью побольше — «Регнум Руссие»; пишу ее одновременно по-немецки и по-французски. Обращаю внимание на то, что русские великие князья с X-го века во всех западных источниках (за немногими исключениями, начиная с XIII-го века) называются «регес», а Руссия — «регнум»,[9] так до XV-го века. Это косвенная полемика против зловредного Пашкевича,[9] жонглирующего термином «Рус» и отрицающего наличность имени «Russia» вопреки очевидности.

Поеду в июле на съезд славистов в Зальцбурге; в президиуме там указан Н. К. Гудзий.[10]

Может быть, и Вы приедете в этот прелестный город? Так был бы рад с Вами встретиться. Записался и на Слав. Съезд в Софии, но не знаю, соберусь ли: уж очень далеко.

На здоровье пожаловаться не могу. С большим запозданием начинается весна. Дождливо, но листьев еще нет.

Шлю Вам и всей Вашей семье самый сердечный привет и пожелания всяческих успехов.

Искренне Ваш А. Соловьев.

[1] Александр Васильевич Соловьев — историк и филолог, профессор Женевского университета, занимался исследованием «Слова о полку Игореве».

[2] Анатолий Николаевич Котляренко — доцент Ленинградского государственного педагогического института, кандидат филологических наук (с 1957 г.) Речь идет о его статье «„Задонщина“ как памятник русского языка конца XIV века» (см.: Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. Т. 15. Факультет языка и литературы. Вып. 4. 1956. С. 131—160).

[3] Имеется в виду диссертационная работа А. Н. Котляренко (см. автореферат: «„Задонщина“ как памятник русского языка конца XIV века (морфология и синтаксис)». Автореферат диссертации канд. филол. наук. Л., 1957, полностью работа напечатана не была). В 1966 г. статья А. Н. Котляренко «Сравнительный анализ некоторых особенностей грамматического строя „Задонщины“ и „Слова о полку Игореве“» была опубликована в сб.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовской битвы. М.; Л., 1966. С. 127—196.

[4] Имеется в виду 1-й том трехтомного исследования Сергея Леонидовича (в инициале отчества А. В. Соловьев ошибся) Пештича «Русская историография XVIII века», который вышел в 1961 г.

[5] Андрей Николаевич Грабар — см. прим. 1 к письму № 18.

[6] Статья А. В. Соловьева «Восемь заметок к „Слову о полку Игореве“» была опубликована в XX томе ТОДРЛ (М.; Л., 1964).

[7] Виктор Владимирович Виноградов — академик, академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР (1950—1963), директор Института языкознания и Института русского языка АН СССР (1950—1968), председатель Международного и Советского комитета славистов (с 1957 г.).

[8] Елизавета Федоровна Хилл (далее также Лиза (Hill), miss Hill, проф. Хилл, professor Hill) — профессор Кембриджского университета в Англии.

[9] Генрих Пашкевич — польский славист, автор книги «The Origin of Russia» («Происхождение России»), вышедшей в 1954 г. в Лондоне; автор книги затрагивает вопрос о термине «Русь» в «Слове о полку Игореве».

[10] Николай Каллиникович Гудзий — в те годы профессор МГУ, академик АН УССР; автор учебника и хрестоматии по древнерусской литературе для вузов; участник дискуссий с А. Мазоном и А. А. Зиминым.

6

Письмо А. В. Соловьева

5 апреля 1963.

Дорогой Дмитрий Сергеевич, вчера к вечеру получил письмо от Н. Е. Андреева [1] из Англии. Он пишет, что в Оксфорде получено «письмо из Лен(инграда) о скандале в Пушкинском Доме», а именно, что «А. А. Зимин прочел там доклад, доказавший, что „Слово о полку Игореве“ — подделка XVIII в.» Оксфордские мазонисты ликуют и спрашивают, «позволят ли А. Зимину напечатать его доклад». После этого я не мог заснуть всю ночь.

Не откажите ответить поскорее на два вопроса: 1) привел ли он новые доводы, кроме мазоновских, и 2) кого он считает поддельщиком? Нельзя ли получить копию протокола заседания? Каково Ваше мнение по этому поводу?

С нетерпением жду от Вас вестей и шлю сердечный привет.

Искренне Ваш А. Солов(ьев).

[1] Николай Ефремович Андреев — профессор Кембриджского университета (с 1948 г.), автор культурологических и искусствоведческих трудов.

7

Письмо Р. О. Якобсона

Дорогой Дмитрий Сергеевич,

чем больше подробностей у меня будет о содержании доклада Зимина о «Слове о полку Игореве», тем легче мне будет коснуться этого доклада в итогах споров о «Слове», которые составят главную часть моего послесловия к тому Slavic Epic Studies. Я должен сдать в печать это послесловие не позднее двадцатых чисел июня. К сожалению, после доклада Зимина недоброжелатели подняли голову. Напр(имер) Струве,[1] miss Hill, англ(ийский) издатель отказался от предполагавшегося издания англ(ийского) перевода «Слова»; обсуждался вопрос об исключении «Слова» из антологии древнерус(ских) текстов в Оксфорде; каждый оксф(ордский) студент-славист спрашивал меня, что со «Словом», правда ли, что это подлог. Я рад, что встретил Алексеева,[2] порассказавшего мне о выступлении Зимина. Мне кажется, что по крайней мере протокол заседания и с прениями следует опубликовать, а то будут безусловно говорить на свете, что замалчивают доказательства подделки. Мне ужасно досадно, что книга о рус(ском) искусстве до Вас не дошла.

С горячим пожеланием полного выздоровления

Ваш Р. Якобсон.

P. S. Выйдет ли моя библиография в т. XX Трудов?[3]

[1] Глеб Петрович Струве — профессор Калифорнийского университета, специалист по советской литературе, автор заметок о докладе А. А. Зимина в газете «Русская мысль» (см. письмо № 26 и Приложение).

[2] Михаил Павлович Алекссев — сотрудник ИРЛИ, заведующий сектором взаимосвязей русской и зарубежных литератур (с 1956 г.), академик (с 1958 г.).

[3] Библиография работ по «Слову о полку Игореве», составленная Р. О. Якобсоном, опубликована не была.

8

Письмо Гаральда Рааба [1]

13 апреля 1963.

Глубокоуважаемый Дмитрий Сергеевич!

В моем последнем письме я сообщал Вам, что в настоящее время я готовлю библиофильское издание «Слова о полку Игореве» в немецком переводе. Оно должно появиться в издательстве Aufbau, одном из лучших издательств ГДР. В спецсеминаре в этом семестре я готовлю новый немецкий перевод, причем в основу его будут положены Ваши исследования и вышедший в прошлом году в академическом издательстве сборник «Слово о полку Игореве — памятник XII века» (кроме того, я привлекаю для сравнения издание «Слова о полку Игореве» Романа Якобсона).

Только сегодня я получил срочное письмо из издательства Aufbau, содержание которого меня совершенно поразило: профессор Штайниц, заместитель президента немецкой Академии наук, вернулся из поездки по Советскому Союзу, там он как будто бы точно узнал, что академик В. Виноградов к Софийскому конгрессу славистов готовит сборник, в котором с научной точностью будет доказано, что «Слово о полку Игореве» — подделка.[2] Это известие вызвало панику в наших научных кругах. Издательство намеревается приостановить подготовку издания «Слово о полку Игореве». О косвенных политических последствиях мне не хотелось бы высказываться.

Дорогой Дмитрий Сергеевич, я прошу Вас теперь очень настоятельно: срочно напишите мне лично, как в действительности обстоят дела, и пошлите, по возможности, в издательство Aufbau (Berlin, W 8, Französische Str. 32) короткий отзыв по вопросу о подлинности «Слова о полку Игореве». Издательство в подобном отзыве очень заинтересовано.

Искренне, сердечно приветствую Вас

Ваш Гаральд Рааб.

[1] Гаральд Рааб — немецкий славист, переводчик «Слова о полку Игореве» на немецкий язык. Письмо написано по-немецки, перевод Т. Р. Руди.

[2] Слухи о том, что академик В. В. Виноградов готовил к съезду сборник, доказывающий, что «Слово» — подделка, были «лишены всякого основания», как писал Д. С. Лихачев в письме от 24 апреля 1963 г. (см. № 10).

9

Письмо А. В. Соловьева

22 апреля 1963.

Дорогой Дмитрий Сергеевич,

сегодня утром получил Ваше письмо и немедленно отвечаю. Вы меня успокоили, а то у меня (грешным делом) появлялись сомнения: раз Зимин решил выступить в Пушкинском Доме, то, быть может, у него есть какие-то новые, неопровержимые доводы, напр⟨имер⟩ письмо Мусина-П⟨ушкина⟩ или Иоиля Быковского с признанием в подделке («Hanka fecit»).[1] Но из Вашего письма вижу, что ничего нового нет, а есть лишь незнание литературы и стиля памятника и поверхностные сомнения. Русские люди часто любили ниспровергать авторитеты, и ничего удивительного в том, что появились сомнения Зимина, нет. Жаль только, что «придется копаться в его вялой дребедени и серьезно ему возражать», как Вы прекрасно выразились. А за границей, к сожалению, все это раздули и наступило «ликование» мазонистов. Вот что пишет Е. Ф. Хилл (русская немка): «Я слыхала, что окончательно установлено, что „Слово о п⟨олку⟩ Иг⟨ореве⟩" — подделка XVIII века, и если это так (в чем я никогда не сомневалась и без доказательств), то я радуюсь, что Мазон (хотя бы и перебарщивал) дожил до этого разоблачения. Пока что книга Зимина еще не вышла. Если ее действительно напечатают, то это будет большим событием и потрясением для многих» (открытка от 2.4.63). Что я мог ей ответить? Сейчас могу спокойно подождать.

Язык и стиль «Слова» — это, конечно, язык XII века, а не Киевской Ак⟨адемии⟩ XVIII в. Все больше нахожу доказательств. Но, пожалуй, незачем печатать отдельные статьи, а надо ускорить работу по «Словарю-комментарию», начатую еще в 1960 г. — она все докажет. Писал ли я Вам, что послал Якобсону статью по-фр⟨анцузски⟩ о Бояне и князе Игоре в «Слове» и в «Задонщине»? Главная мысль: Боян в «Слове» — живое лицо, в «Зад⟨онщине⟩» — лишь слабый отблеск. Упоминание князей, воспетых Бояном, в «Слове» логично для черниг⟨овского⟩ певца. В Белоз⟨ерском⟩ списке «Зад⟨онщины⟩» Боян воспевает «Рюрика, Игоря Рюр⟨иковича⟩ и Святослава Ярославича». Этот странный список (Рюрика и неудачливого Игоря Рюр⟨иковича⟩ никто бы не стал воспевать в XIV—XV вв.) объясняется тем, что имена Рюрика и Игоря повторяются в «Слове», а в конце «Слова» видно, что Боян был певцом Святослава II Ярославича. Позднейшие списки «Зад⟨онщины⟩» исключили этого забытого в их время вел⟨икого⟩ князя (1073—1076). Странное

появление его в Белоз⟨ерском⟩ списке (где не упоминаются ни храбрый Святослав I, ни даже Владимир Красное Солнце как объекты «славы» Бояна) объясняется лишь тем, что перед иереем Софонием лежало «Слово о полку Игореве», из которого он черпал полными руками. Позвольте указать Вам две темы, которые я не могу разработать здесь за отсутствием источников, а которые с успехом мог бы взять на себя кто-либо из Ваших симпатичных и немалочисленных сотрудников.

1) Следует написать дельную статью о Тмутар⟨аканском⟩ камне. Его подлинность доказывается его сличением с надписью царя Самуила 991 г. Сомнения Спицына (в Изв⟨естиях⟩ Моск⟨овского⟩ Арх⟨еографического⟩ О⟨бщества⟩ 1915 г.) я читал лет 30 тому назад. Здесь я этого издания найти не могу. Между тем у меня осталось в памяти, что Спицын (как и Иловайский) желал поместить Тмутаракань в устье Дона, и поэтому отрицал подлинность камня. Затем Мазон и Борщак настаивают на роли ат⟨амана⟩ Головатого: между тем, опубликованное А. С. Орловым «дело о находке Тм⟨утараканского⟩ камня» показывает, что он был найден егерями (а не казаками) майора Розенберга. А в Энцикл⟨опедическом⟩ Словаре Граната я нашел дельную статью об ат⟨амане⟩ Головатом, из которой видно, что он добивался земель между Бугом и Днепром, но что после смерти его покровителя кн⟨язя⟩ Потемкина ему пришлось «взять, что дают», т. е. удовольствоваться Таманью и Кубанью. Надо найти археолога, который бы еще раз исследовал этот камень в Эрмитаже.

2) Надо еще внимательно разобрать опись Спасо-Яросл⟨авского⟩ м⟨онасты⟩ря 1788 г., о которой писала Е. Карабанова в ТОДРЛ 16 (1960), выяснить, есть ли заметки иподьякона Соколова при исчезнувших трех других рукописях, кто такой этот Соколов, какая рукопись была под № 323 и т. д. Я уверен, что «хронограф в десть № 287», показанный «уничтоженным за ветхостью», и был присвоен арх⟨имандритом⟩ Иоилем и продан Мусину-Пушкину вместе с двумя рукописями на пергамене.

Вот маленькое дополнение к моей статье о Русичах (и Святъславличах). Пишу рецензию на дельное переиздание «Слова митр⟨ополита⟩ Илариона» Лудольфом Мюллером. Он указывает, что у Мусина-Пушкина была и тоже сгорела прекрасная рукопись этого «Слова» (древнейшая, с датой 1414 г.). М⟨усин⟩-П⟨ушкин⟩ не успел или не захотел ее издать, но с нее сохранилась точная копия на прозрачной бумаге, снятая Ермолаевым (к этой строке примечание: «Это упомянуто Н. Н. Розовым [2] в ТОДРЛ, стр. 47». — *Л. С.*). Л. Мюллер переиздает снимок миниатюры из этой рукописи, и в тексте под ней ясно читается: «Похвала кагану нашему Володимиру Стъславлицю». Итак, форма на -вличь вовсе не «курьез», как показалось Ташицкому.[3] Можно привести еще примеры.

Почему Вы лежали в больнице? Делали ли Вам операцию? Напишите, пожалуйста, подробнее о своем здоровье. Надеюсь, сейчас Вы вполне поправились. Хотелось бы встретиться с Вами в Зальцбурге в июле. На мое здоровье пожаловаться не могу, хотя мне уже 73-й год и часто чувствую лень. Получил интересные оттиски и «Новгор⟨одских⟩ посадников» от В. Л. Янина:[4] он прекрасно работает.

Самый сердечный привет Вам и всей Вашей семье от искренне преданного

А. Соловьева.

[1] «Ганка сделал» (лат.), — фраза, которую якобы обнаружили чешские исследователи Томас Масарик и Ян Гебауер в Краледворской рукописи, найденной (или подделанной) в XIX веке Вацлавом Ганкой.

[2] Николай Николаевич Розов — сотрудник Отдела рукописей ГПБ (ныне РНБ), тогда кандидат филологических наук.

[3] Витольд Ташицкий — польский славист, автор статьи «Les formes patronymiques insolites dans le Slovo d'Jgor» («The Review of English Studies. 1959. N 36. P. 23—28).

[4] Валентин Лаврентьевич Янин — историк и археолог, профессор (с 1964 г.) кафедры археологии исторического факультета МГУ. Его книга «Новгородские посадники» вышла в Москве в 1962 г.

10

Письмо Д. С. Лихачева главному редактору Строительного издательства в Берлине (Aufbau—Berlin)

24 апреля 1963.

Глубокоуважаемый господин главный редактор!

По просьбе профессора Г. Рааба сообщаю Вам краткие сведения о том, как в Советском Союзе обстоит дело с вопросом о подлинности «Слова о полку Игореве».

Ни у кого из специалистов-филологов подлинность «Слова о полку Игореве» как памятника XII века не вызывала и не вызывает сомнений. В 1962 г. в Издательстве Академии Наук СССР вышел сборник «Слово о полку Игореве — памятник XII века», в котором подвергнуты обстоятельному разбору и опровержению сомнения в подлинности этого памятника, высказывавшиеся профессором А. Мазоном и его последователями.

В марте [1] 1963 г. в Институте русской литературы Академии Наук СССР профессор А. А. Зимин (историк, специалист по XVI веку) выступил с докладом, в котором пытался защищать точку зрения А. Мазона на «Слово о полку Игореве» как на памятник XVIII века. По-видимому, именно этот доклад проф(ессора) А. А. Зимина и явился поводом для слухов, что в Советском Союзе как-то пересмотрен вопрос о подлинности «Слова о полку Игореве». Доклад А. А. Зимина не содержал новых фактов, которые могли бы поколебать уверенность специалистов в подлинности «Слова». А. А. Зимин лишь варьировал аргументацию А. А. Мазона, пытаясь защищать ее от возражений авторов сборника «„Слово о полку Игореве" — памятник XII века».

Слухи о том, что в Советском Союзе готовится специальный сборник, доказывающий подложность «Слова о полку Игореве», лишены всякого основания. Не знаю — решится ли сам А. А. Зимин издать свой доклад после тех основательных возражений, которые были ему сделаны специалистами в Институте русской литературы АН СССР.

С уважением

Д. С. Лихачев, член-корреспондент АН СССР,
профессор, доктор филологических наук

[1] Неточность: доклад состоялся 27 февраля.

11

Письмо Н. Е. Андреева

23 апреля 1963.

Дорогой Дмитрий Сергеевич,

вчера я получил Ваше письмо от 16 апреля. Большое спасибо за него и за очаровательные — две — фотографии Ваши с прелестной Вашей внучкой, которая вызвала восторг всей семьи. Как ее зовут?

Очень надеюсь, что Вы поправляетесь быстро. Здоровье — хрупкая вещь. Но — к чести медицины — последствия язвы теперь вылечиваются без остатка. Моего деда с материнской стороны лечил от язвы, еще до революции, знаменитый Альтшуллер, друг Толстого, Чехова и обоих моих дедов (с отцовской стороны мой дед был знаменитый земец, упоминаемый в воспоминаниях И. И. Петрункевича [1]). Лечил он его голодной диетой. Дед жил потом 12 лет, не зная, что такое осложнения желудка. Встретившись с доктором Альтшуллером в моей студенческой юности в Праге, я напомнил ему об его успехе. Альтшуллер был в восторге и добавил: «Нынче язвы преодолеваются в пятьдесят раз легче». И действительно, один из моих лондонских друзей был оперирован 9 лет назад и «забыл об этом факте», говорит.

Я обязательно пришлю Вам снимок, но, как ни странно, у нас нет общей фотографии семьи. Обычно снимаю я детей и жену, а сам попадаю «под аппарат» очень редко. Мы провели изумительные три недели в Корнуэлле, — и я полностью восстановил свою работоспособность и жизнерадостность. Вчера я получил также Вашу «Текстологию»: мне прислали мои бывшие ученики, помнящие мою внимательность к Вашим работам. Теперь ищут для меня Вашу книгу «Русские летописи»: у моей шефши, проф. Хилл, есть экземпляр, но не всегда удобно тащить от нее книги. Она — Кащей отчасти.

Не могу не признаться, что обрадовался Вашему сообщению, что доклад А. А. Зимина — только попытка интерпретации по скептическим линиям «Слова о полку Игореве». О докладе своем он сам написал Fennell,[2] а тот «ударил во все колокола». Годовая конференция британских славистов 23—24 марта в Оксфорде прошла под этим знаком — «торжества» над посрамлением стольких репутаций крупнейших ученых и традиционной радости «посрамления» «русской хлестаковщины». Я на конференции, по болезни, как и Вы, не был, но получил ряд известий от очевидцев. Вот один отрывок из письма от 28 — III: «Очень жаль, что Вас не было в Оксфорде. Конечно, лекции и доклады (Hill и Hare) никуда не годились, но было очень интересно познакомиться со „славистами“ из других университетов. Все говорили о „сенсации“ в Пушкинском Доме. Кажется, Зимин выступил с докладом, в котором доказал, что „Слово о полку Игореве“ подделка XVIII века. Феннель получил письмо от Зимина. Интересно было наблюдать реакцию на это известие. Лиза (Hill), Костелло (профессор р⟨усской⟩ лит⟨ературы⟩ в Manchester), Simmons [3] (р⟨усский⟩ библиотекарь в Оксфорде) были в восторге от этого. Симмонс называет „Слово о полку Игореве“ „the Piltdohen manuscript“ (по ассоциации с подброшенным в раскопки — знаменитым — черепом, принятым за пятитысячелетний). Остроумно, не правда ли, но, пожалуй, немножко преждевременно...» Я позволяю себе привести этот отрывок только для того, чтобы Вы не подумали, что я «сгустил» краски. Е. Ф. Хилл успела за эти три недели побывать у Мазона и вспрыснуть его «мощи» «живою водой», что «поддельность доказана»! Сегодня на заседании факультета я — не без удовольствия — передал ей, что Вы считаете, что «абсолютно ничего серьезного не произошло»... Совершенно неожиданно эта Зиминско-Феннеловская сенсация оказалась «лакмусовой бумажкой» истинного отношения к изучаемой славистами культуре Руси. Меня это нисколько не удивило, — мало ли чего я наслушался за десятилетия: «хвалу и клевету» приемлю «равнодушно». Но понимаю, что Вас это не может не удивить. Professor Hill официально сообщила мне, что для 1964—65 акад⟨емического⟩ года она вычеркивет «Слово» из числа памятников, обязательных для изучения студентами (на будущий академический год список уже опубликован). Но я, конечно, не собираюсь подвергнуть «Слово» «остракизму». И, поскольку от меня зависит, программа изучения древней Руси не потерпит из-за блажи «мазонят».

Во всяком случае, надеюсь, что домыслы Зимина будут напечатаны и опровергнуты. Я не верю в удачную новую интерпретацию, но поверил бы в непререкаемый документ о подделке. Сердечное спасибо за ценное письмо.

Ваш Ник. Андреев.

[1] Имеется в виду книга Ивана Ильича Петрункевича «Из записок общественного деятеля» (1934).

[2] Джон Феннел — лектор Кембриджского (с 1947 г.), а затем Оксфордского (с 1956 г.) университетов, профессор (с 1967 г.). Автор ряда работ по древнерусской литературе. Участвовал в дискуссии по работе А. А. Зимина, в статьях 1967—68 гг. рассматривал вопрос «текстологического треугольника»: взаимоотношения «Слова о полку Игореве», Ипатьевской летописи и «Задонщины».

[3] Дмитрий Симмонс — магистр, главный библиограф университета в Оксфорде.

12

Письмо Н. М. Дылевского [1]

24 апреля 1963.

Дорогой Дмитрий Сергеевич!

Сердечно поздравляем Вас и всю Вашу семью с праздником 1 мая и шлем Вам наши самые лучшие пожелания.

Ваше милое письмо очень нас обрадовало и тронуло, мы очень дорожим Вашими добрыми чувствами и памятью о нас и наших софийских встречах. Письмо Ваше пришло точно в день годовщины нашей прогулки в окрестности Софии в Княжево в апреле 1960 г. (день был солнечный, теплый, и прогулка нас очень ободрила).

Все Ваши софийские друзья искренне радуются Вашему выздоровлению. Будем надеяться, что здоровье Ваше быстро поправится и мы с Вами увидимся в Софии осенью на V Съезде славистов, который обещает быть интересным и многолюдным. Наша София с каждым днем хорошеет и готовится к встрече гостей со всех концов земного шара. Усиленно печатаются и наши сборники (в одном из них помещено и мое сообщение об украинском рукописном евангелии 1568 г. из Галича, хранящемся в библиотеке «читалища» в г. Свиштове на Дунае).

В ближайшем будущем пришлю Вам оттиск своей рецензии на Вашу книжку о «Слове о п⟨олку⟩ Игореве» в журнале «Език и литература» (кн. 1, 1963 г.).

Познакомился со злостной статьей нашего общего знакомого в журнале «Русская литература» и с Вашим сокрушительным на нее ответом,[2] сильным и убедительным во всех своих положениях. Очень хороша его концовка, плотно закрывающая дверь дальнейшей полемике.

А. И. Хватову [3] написал благодарственное письмо за его отзыв о моей заметке с новой редакцией стихотворения декабриста Бестужева. Позвольте сердечно поблагодарить и Вас, дорогой Дмитрий Сергеевич.

О чем будете докладывать на Съезде? Тем у Вас много. Постепенно знакомлюсь с Вашей «Текстологией»; книга богатейшая, заслуживающая всяческого внимания. О ней выйдет рецензия в одном из наших болгарских журналов.

Что слышно о нашем сборнике в защиту «Слова о полку Игореве»? Выступление А. Зимина против «Слова» повергло меня в полнейшее недоумение. Слухи о нем разнеслись по всему свету (первые отзвуки о докладе дошли до меня через гостя — профессора Оксфордского университета, защитника «Слова»). В Оксфорд о нем сообщил один из английских студентов, обучающихся в Москве. К сожалению,

гость не мог сообщить мне никаких подробностей, так как сведения были весьма отрывочные и неясные, получены они были перед самым отъездом его в Болгарию.

Во всяком случае, если выступление А. Зимина явилось ответом на наши статьи, нельзя не удивляться его неожиданности... Ответ весьма незаслуженный и странный. Буду ждать от Вас дальнейших вестей.

От моего корреспондента-литературоведа из США недавно получил книжку его статей, посвященных «Слову» — «Слово о полку Ігореві і українська народна поезия. Вибрани проблеми» (1963 г. Виннипег), 94 стр.[4] Написаны они очень серьезно и углубленно, с привлечением нового и свежего материала (всего десять статей). Встречается в ней, конечно, и Ваше имя, как крупного специалиста по древней литературе и, в частности, по «Слову». Приятно сознавать, что за океаном есть горячие защитники «Слова», поддерживающие честь нашей древней письменности. Но есть и злостные враги, с которыми мы должны бороться всеми средствами, защищая истину и подлинность «жемчужины» нашей древней литературы. О выступлении одного из них мне писал все тот же известный мне только по переписке заокеанский корреспондент. Пока в печати ничего не появилось, но после выступления Зимина, м. б., и появится.

Из отдельных глав сборника могу упомянуть: «Що значить „а злата и сребра нимало того потрепати?“»; «Заклик до князя Ярослава Осмомысла і одна форма заговору»; «Що значить „Половецкую землю мечи цвѣлити?“»; «Поетичні образи-формули в „Слові о полку Ігореві“ і народной поезії»; «До проблеми ритміки «Слова...“».

Сегодня получил английский перевод «Слова» Vl. Nabokov'a (1960) — «The Song of Jgor's Campaign». Вам, вероятно, он известен и в Институте имеется. Жду выхода зарубежных отзывов на наш сборник.[5] Прозаический английский перевод «Слова» Д. Д. Оболенского [6] вышел в составленной им антологии русской поэзии с оригинальным русским текстом и подстрочным переводом на английский. Ее заглавие «The Penguin Book of Russian Verse» (1962).

Как видите, авторитет «Слова» высоко ценится за рубежом.

Простите, дорогой Дмитрий Сергеевич, за многословие, которым я Вас, вероятно, утомил. Хотелось сообщить подробно культурные новости, которые, надеюсь, не совсем безынтересны и для Вас.

К юбилею В. П. Адриановой-Перетц пришлем поздравление, а я напишу ей и от себя. Будем желать ей здоровья и творческих сил.

Большим успехом пользуется выставка древнего искусства болгарских земель, устроенная в Париже. Гвоздем ее является золотой клад из Понагюриште, привезенный в Париж в оригинальном виде. Все парижские газеты посвятили выставке восторженные статьи. С тем же чувством пишет мне о ней и мой старый друг, посетивший немало выставок. Для Болгарии все это очень важно.

Просим передать наш особый привет дорогой Зинаиде Александровне [7] и Вашей матушке, которую мы знаем по присланной нам карточке.

Желаем Вам от всего сердца скорейшего полного выздоровления и восстания от одра болезни.

Искренне Ваши Николай и Дарья Дылевские.

[1] Николай Михайлович Дылевский — болгарский славист, профессор Софийского университета, автор многочисленных работ по «Слову о полку Игореве».

[2] Имеется в виду полемика Д. С. Лихачева с С. Н. Азбелевым в журнале «Русская литература» (1963, № 1): *Азбелев С. Н.* Реализм и древнерусская литература (с. 45—78). *Лихачев Д. С.* Анэстетизм и древнерусская литература (с. 79—87).

[3] Алексей Иванович Хватов — сотрудник сектора взаимосвязей русской литературы с зарубежными ИРЛИ, славист, кандидат филологических наук (с 1965 г.).

[4] Автор книги «Слово о полку Ігоревi і українська народна поезия. Вибрани проблеми» (Виннипег, 1963) — Святослав Ярославич Гординский.

[5] Имеется в виду сборник статей «„Слово о полку Игореве“ — памятник XII века» (М.; Л., 1962), авторы которого полемизируют с А. Мазоном.

[6] Д. Д. Оболенский — профессор Оксфордского университета, славист, византинист.

[7] Зинаида Александровна Лихачева, жена Д. С. Лихачева.

13

Письмо Р. О. Якобсона

30 апреля 1963.

Дорогой Дмитрий Сергеевич,

весть о Вашей болезни очень меня огорчила. От души желаю Вам скорейшего и полнейшего выздоровления. Спасибо за оба письма. Какое убожество — выходка Зимина. Если что-либо по этому поводу выйдет в печати, пожалуйста, уведомьте или пришлите. Очередной том моих Writings, посвященный вопросам славянского эпоса и включивший две новых, не печатавшихся работы — 1) о статье Vaillant'a [1] «За Соломоном» и 2) о первоначальном тексте «Задонщины», — печатается и должен выйти накануне съезда славистов. В Послесловии, которое сдам в июне, намереваюсь отозваться и на Зимина. Мне кажется, было тактической ошибкой рус⟨ских⟩ филологов и литературоведов слишком мягкое отношение к измышлениям Мазона и его приспешников, явно направленные к снижению древнерусской культуры. Безграмотные и злостные статьи Vaillant'a о летописях, «Задонщине», Летописной повести остались, например, без надлежащего ответа, и эта безнаказанность создавала нездоровую психологическую атмосферу, благоприятствовала новым безответственным выступлениям. Впрочем, едва ли можно говорить о шумихе в западной печати вокруг доклада Зимина. Здесь, насколько мне известно, не было ни одного печатного отклика, а в Европе, насколько я знаю от своего голландского издателя, ничего не было, кроме кулуарных разговоров среди славистов, из которых наименее грамотные весьма расположены кадить Мазону и развенчивать «Слово». Не понимаю, каким образом книга о рус⟨ском⟩ искусстве, посланная заказной бандеролью, не дошла и не вернулась. А что со слуховыми очками? С живейшим интересом жду Ваших новых работ по древнерусской поэтике и Софийского доклада.

Преданный Р. Якобсон.

P. S. Смерть Стендера [2] меня чрезвычайно опечалила. И человек он был чудесный, и большая потеря для славистики.

Мой адрес до середины мая Boylston, 301, а в последних числах мая c/o R. Mayerowa.

Между прочим, уже 2—3 года т⟨ому⟩ н⟨азад⟩ Мазон рассказывал своим собеседникам, что советский историк готовит веский материал о «Слове» как продукте Екатерининской эпохи и о его авторе Иоиле. По-видимому, и в русской научной литературе намеки на возможность новых доводов в пользу тезиса Мазона и на последующий пересмотр истории русской письменности и письменного языка были связаны с предусмотренным выступлением Зимина.

[1] Андре Вайан (Ваян) — французский славист, преподавал в Collège de France и Высшей школе филологических наук.

[2] Адольф Стендер-Петерсен — датский славист, член Королевской Датской Академии наук в Копенгагене.

14

Письмо Э. Ковальского [1]

3 мая 1963.

Глубокоуважаемый господин профессор!

С поступлением Вашего письма [2] рассеялись все у нас имеющиеся сомнения, как будто бы в Советском Союзе разбирается вопрос о подлинности «Слова о полку Игореве» как памятника XII в. Теперь мы вполне убедились в том, что существовавшие слухи лишены всякого основания и мы можем спокойно продолжать начатую работу над изданием столь ценного памятника древнерусской литературы.

Примите нашу благодарность за Ваше осведомление.

С глубоким уважением

Э. Ковальский
Издательство АУФБАУ — Берлин.
Славянское лекторство.

[1] Э. Ковальский — главный редактор Строительного издательства (Aufbau) в Берлине.
[2] Это письмо является ответом на письмо Д. С. Лихачева от 24 апреля 1963 (№ 10).

15

Письмо Л. В. Черепнина [1]

10 мая 1963.

Дорогой Дмитрий Сергеевич!

Спасибо Вам за Вашу информацию о докладе А. А. Зимина. Конечно, все останется между нами. Потревожил я Вас потому, что меня поразило, что А. А. Зимин, выступая в Ленинграде, совершенно обошел москвичей. Я, официально являясь заведующим сектором, а неофициально — человеком, всегда очень хорошо относящимся к А. А. Зимину, узнал о докладе уже после того, как он был сделан, причем первоначально не от А. А., а от других лиц. Причем до этого я вообще не знал, что А. А. Зимин работает над данной темой. Какая-то ненужная таинственность — с одной стороны, поспешность — с другой. Что касается печатания доклада, то я тоже за это, но как будто сейчас уже сам А. А. не хочет особенно торопиться.

Сердечный привет Вам и Вашей семье.

Л. Черепнин.

[1] Лев Владимирович Черепнин — историк, заведующий сектором русской истории периода феодализма в Институте истории АН СССР (Москва), доктор исторических наук.

16

Письмо А. Н. Робинсона [1]

10 мая 1963.

Дорогой Дмитрий Сергеевич!

Как Вы себя чувствуете? Давно не имеем о Вас известий. Вчера В. В.[2] и я сидели 1,5 часа у шефа (который был директором славяноведов).[3] Речь шла о

делегации (у нас трудности). Когда дошли по алфавиту до Вас, он сказал: «Это крупнейший специалист. Как его здоровье?» Тогда В. В. во всех деталях все рассказал и изобразил очень картинно — вплоть до того, как Вам был возвращен конвертик (тут же был экскурс в историю болезни и операции Н. К.,[4] которому конвертик возвращен не был). Так же точно комментировались и другие делегаты. В. В. здорово ругал двух главных историков-древников.[5] Отношение к нашему делу было весьма благожелательное и я доволен деловой стороной визита. Потом подробно говорили о «Слове» и работе А. Зимина (сейчас В. В. читает его книгу — рукопись). Шеф уже хорошо знал об этом (он учился с А. А. в аспирантуре), считает дело очень серьезным, особенно из-за всемирного резонанса и съезда. Двое историков поносят А. А. и устраивают ему неприятности. В. В. относится участливо, сочувствует, но отмечает: 1) слабость и неоригинальность концепции, особенно — об Иоиле, 2) ошибочность поведения ⟨на полях запись, относящаяся, вероятно, к данному фрагменту: «Говорилось, что ленингр⟨адский⟩ доклад — большая ошибка автора и устроителей». — *Л. С.*⟩. Сам В. В. заявил, что он допускает возможность древности «Слова», но убежден, что в нем много новых вставок и влияний. Мне показалось, что эта концепция (компромиссная) понравилась шефу, который ищет выхода и (учитывая зарубежный отклик) старается не занимать крайней позиции ни в ту, ни в другую сторону. Итог размышлений был таков: 1) автор честный и принципиальный ученый, который увлекся темой, не отдавая себе отчета о последствиях, 2) следует до съезда (т. е. в июне—июле) в закрытом совещании специалистов объективно и подробно обсудить книгу и определить возможные позиции (отрицание, частичное признание и т. п.), 3) если единого мнения не будет, то наметить целесообразное поведение на съезде. Для практического осуществления этого намечено отпечатать книгу на ротапринте 10—20 экз. и раздать специалистам (все это будет делаться по инициативе Президиума), указание дано.

Поражает поведение М. Н.: 1) отказался читать рукопись, 2) требует снятия автора из его «замов» по Археограф⟨ической⟩ комиссии, 3) хочет, чтобы имя автора (как редактора) было снято с того сборника, который посвящен ему к 70-летию (сам я этого не наблюдал, но слышал от двух весьма компетентных людей). Мне кажется, что в создавшихся условиях, если такое обсуждение состоится, лучше всего было бы (по крайней мере, я бы так сделал) дать серьезный научный анализ, твердо защищать свое мнение, но ни в коем случае не вносить горячности, возмущения, не делать упреков и т. д. (для этого ораторы найдутся, но едва ли они будут иметь большой успех). Прошу Вас оставить это все между нами (особенно, — не говорите в секторе). Через некоторое время все это само дойдет, а сейчас еще рано. Работа меня заедает. По плану за этот год я не сделал ничего — боюсь расплаты за это потом, да и самому обидно, т. к. есть хорошие материалы, кое-что намечено. Мне нужно было бы основательно посоветоваться с Вами о своих дальнейших (научных) делах, т. к. есть разные варианты тематики и не все тут мне ясно.

Дня через 3 мы вышлем официальное письмо Зинаиде Александровне о том, чтобы она прислала необходимые документы. Идет борьба с Ин⟨остранным⟩ отделом о размерах туристической группы.

В. В. написал новую интересную книжку «Сюжет и стиль. Сравнит⟨ельно⟩-историческое исследование» (13 а. л.). Пытаемся издать к съезду. Н. К. на меня сердится — в Изд⟨ании⟩ из его доклада сняли разделительные звездочки. Добиваюсь восстановления их. В. А.[6] и я кланяемся Вам и Зинаиде Александровне, привет всем милым молодым членам семьи.

Обнимаю Вас.

Ваш А. Робинсон.

[1] Андрей Николаевич Робинсон — сотрудник группы древнерусской литературы ИМЛИ, Ученый секретарь Советского комитета славистов (с 1960 г.).

[2] Виктор Владимирович Виноградов.

[3] Вероятно, имеется в виду Иван Иванович Удальцов, заместитель заведующего идеологическим отделом ЦК КПСС и одновременно заведующий подотделом пропаганды и агитации, курировавший в частности, вопросы, связанные со съездом славистов. В. В. Виноградов был в те годы Председателем Советского комитета славистов, а А. Н. Робинсон — Ученым секретарем этого комитета.

[4] Николай Каллиникович Гудзий.

[5] Михаил Николаевич Тихомиров, историк, академик (с 1953 г.), председатель Археографической комиссии (с 1956 г.) и Б. А. Рыбаков (см. прим. 1 к письму № 27).

[6] Вера Александровна Плотникова-Робинсон, жена А. Н. Робинсона.

17

Письмо А. В. Соловьева

23 мая 1963.

Дорогой Дмитрий Сергеевич, вчера получил Ваше большое письмо о докладе А. А. Зимина, а по вине почты лишь сегодня получил Ваше предыдущее (от 15.IV) с описанием Вашей болезни и с фотографией, за которую сердечно благодарю. Очень сочувствую Вам по поводу болезни (у меня была подобная лет 20 тому назад, но обошлось без операции) и надеюсь, что Вы вскоре вполне поправитесь. К сожалению, я не получил т. XVIII-го ТОДРЛ; нельзя ли как-нибудь его мне прислать? Пришлю в обмен, что пожелаете.

Шлю самый сердечный привет.

Ваш А. С.

18

Письмо А. Грабара [1]

6 июня 1963.

Глубокоуважаемый Дмитрий Сергеевич,

спешу ответить на Ваше письмо, чтобы выразить Вам свое сочувствие по поводу Вашей болезни (я ничего об ней не знал) и пожелать от всего сердца скорого и полного выздоровления. Из письма вывел, что Вы в основном совсем поправились и набираетесь сил для возобновления нормальной деятельности. Я когда-то, в Страсбурге, страдал долго от небольшой язвы в двенадцатиперстной кишке, но мне удалось от нее избавиться лечением. Но помню до сих пор боли, которые заставляли меня прерывать работу за письменным столом и ложиться на часок на диван.

Очень надеюсь, что увижу Вас в Ленинграде этой осенью и побеседую с Вами о разных интересующих меня вопросах из области древнерусской литературы. Кстати, на прошлой неделе видел проф. А. Мазона (который болел ишиасом или чем-то в этом роде). Он похвалил мою статью, напечатанную у Вас в Пушкинском Доме.[2] Так как мне лично подлинность Слова представляется несомненной, я был бы очень рад познакомиться с докладом Зимина и узнать Ваше мнение о нем. Боюсь Вас утруждать и поэтому не прошу писать об этом в ближайшее время, но как-нибудь позже, при случае.

Спасибо за указание, к кому обратиться в Академии ⟨наук⟩ СССР относительно моей поездки.

Очень рад был получить привет от Вашей старшей дочери,[3] а также узнать, что Ваша вторая дочь[4] тоже занимается наукой и работает в Русском музее. Я очень хочу познакомиться с обеими и по приезде постараюсь их встретить и поговорить с ними об их работе. У нас, наверное, найдутся общие научные интересы.

Передайте мой поклон Вашей супруге и дочерям и примите сам, от меня и от моей жены, наши лучшие пожелания доброго здоровья.

Ваш А. Грабар.

[1] Андрей Николаевич Грабар — французский историк искусства, специалист по византийскому и древнерусскому изобразительному искусству и культуре.

[2] Статья А. Н. Грабара «Светское изобразительное искусство домонгольской Руси и „Слово о полку Игореве"» была опубликована в ТОДРЛ (Т. XVIII. М.; Л., 1962. С. 233—271).

[3] Вера Дмитриевна Лихачева — искусствовед, впоследствии доктор искусствоведения, профессор.

[4] Людмила Дмитриевна Лихачева — искусствовед, сотрудница Русского музея.

19

Письмо Б. А. Рыбакова Д. С. Лихачеву

2 июля 1963.

Дорогой Дмитрий Сергеевич!

Очень рад Вашему выздоровлению. Мы все здесь в Москве с тревогой следили за ходом болезни, и очень, очень хорошо, что все уже позади. Предстоят еще большие бои с Зиминым, который «прогремел на всю Россию как оскандаленный герой», и здесь Ваше участие совершенно необходимо.

Доклад Монгайта,[1] мне кажется, был сделан под влиянием того же Зимина — «как бы не опоздать с разоблачением!» Ничего нового, никакой аргументации Монгайт не дал. Палеографии он не знает и не вдавался в изыскания, а просто объявил, что Мусин-Пушкин воспользовался Остромировым евангилием как образцом.

Концепция Монгайта такова: Екатерина II хотела доказать давнюю принадлежность Тамани к русским землям, а угодливый царедворец, опираясь на пронырливых атаманов Черноморского казаческого войска, состряпал трафарет с текстом о князе Глебе. Трафарет был послан из Петербурга в Тамань, наклеен на первую попавшуюся плиту и по нему была выбита надпись, тотчас «найденная» Антоном Головатым. Место Тмуторакани было определено, «храбрый росс» торжествовал... Никаких доказательств приведено не было. Монгайт, как и Зимин, исходил из презумпции подложности. Доклад был очень слабый и странный.

Я сейчас сдаю в печать свод датированных русских надписей XI—XIV вв. и прилагаю к нему подробную азбуку 55 надписей с разными вариантами начертаний букв. Там есть и точно датированные надписи, но есть и датированные по косвенным признакам (имена исторических лиц). Почерк Тмутараканского камня очень хорошо укладывается среди других надписей XI в., открытых в последние годы.

А Зимин написал уже книгу в 20 печ(атных) листов, и она будет отпечатана ротопринтным способом небольшим тиражом. Он уверяет, что все мы, защитники «Слова», немедленно уверуем в его правоту и сложим оружие. Я знаю его аргументы по кратким тезисам и по трехчасовому изложению их им самим. Странная, совершенно необъяснимая убежденность его в подделке заставляет его быстро пробегать мимо всех доказательств, мимо обоснования приоритета «Задонщины»

и устремляться только на поиски автора среди современников Хераскова и Державина. На днях А. А. возвратился из командировки на юг и привез фотокопии 120 стихотворений Иоиля Быковского. Все это — второсортные вирши, как и следовало ожидать. Но это его не отрезвило, и он полон необузданной гордыни. Я очень люблю Александра Александровича, и мне крайне досадно, что он ставит себя в ложное положение и, вопреки истине, поддерживает Мазонов и Унбегаунов.[2] Впрочем, он не одинок — его союзником является В. В. Виноградов. Дорогой Дмитрий Сергеевич! Поправляйтесь скорее окончательно и возглавьте оборону «Слова».

Посылаю Вам макет 1-го тома истории СССР. Весь русский раздел написан мною; одну из глав я умышленно назвал «Русь в эпоху „Слова о полку Игореве“». Жду Ваших замечаний.

Всего лучшего. Привет семье.

Б. Рыбаков.

[1] Александр Львович Монгайт, сотрдуник Института истории АН СССР (Москва), в 1964 г. доктор исторических наук.

[2] Борис Оттокар Унбегаун — лингвист, профессор Оксфордского и других европейских университетов. Стремясь доказать поддельность «Слова», Б. О. Унбегаун указывал на употребленное в нем существительное «русичи». Данная форма, по мнению исследователя, не могла возникнуть раньше XVI в. (см.: Les Rusiči / Rusici du Slovo d'Igor // The Review of English Studies. B. 18 (1938). P. 79—80.

20

Письмо В. Г. Базанова [1]

20 июня 1963.

Глубокоуважаемый Дмитрий Сергеевич!

Я внимательно прочитал «Хронику» и готов рекомендовать ее в журнал. Третий номер уже в производстве. Л. А. Дмитриев несколько задержался с представлением. Но и это не должно служить причиной для переноса в четвертый номер, который выйдет из печати после Съезда славистов. Придется слезно просить Издательство, чтобы разрешили доверстать, т. е. при получении первой верстки № 3 приняли в набор. Если так, то у нас имеется время, чтобы уточнить ряд вопросов:

1. Нужно ли специально озаглавить это сообщение или спрятать его под глухим и традиционным названием «Хроника»?

2. Послать ли изложение доклада А. А. Зимину (во избежание недоразумений) для визы? Вероятно, это следует сделать, ибо стенограмма отсутствует.

3. Не слишком ли скупо подается выступление Моисеевой и несколько иронически Азбелева? Правильно меня поймите, Дмитрий Сергеевич. Не хотелось бы разговоров об одностороннем изложении дискуссии. Возможно, что здесь я проявляю излишнюю осторожность. Может быть, об Азбелеве сказать: «Азбелев в своем выступлении ограничился тем, что присоединился к Зимину, не развернув своих соображений и доказательств».

Прошу Вас снять абзац, где говорится о том, что дискуссия не могла состояться из-за отсутствия на заседании Лихачева, Адриановой-Перетц [2] и Данилова.[3] Можно в примечаниях указать, что упомянутые ученые по болезни отсутствовали. Следует подчеркнуть: «Мы пока не можем развернуть научную дискуссию, поскольку не имеем ни тезисов, ни текста самого доклада, не знаем о подробностях аргументации А. А. Зимина. Неудивительно, что обсуждение выступления А. А. Зимина на секторе имело самый предварительный характер».

Что касается Вашей статьи «Филологические доказательства подлинности „Слова о полку Игореве“», то журнал безусловно заинтересован получить такую статью. Чтобы статья была опубликована в четвертом номере, для этого необходимо представить ее в начале сентября.

Примите от меня добрые пожелания и сердечный привет.

В. Г. Базанов.

[1] *Василий Григорьевич Базанов — главный редактор журнала «Русская литература» (с* 1958 г.), член-корреспондент АН СССР (с 1962 г.).

[2] Варвара Павловна Адрианова-Перетц, член-корреспондент АН СССР (с 1943 г.), в 1947—54 гг. возглавляла сектор древнерусской литературы ИРЛИ. Автор многих работ по «Слову о полку Игореве».

[3] Владимир Валерьянович Данилов — в те годы пенсионер (в 1963 г. ему было 82 года), в 1948—56 гг. — сотрудник архива ИРЛИ. Автор статей по «Слову о полку Игореве».

21

Письмо Л. А. Дмитриева

10 июля 1963.

Дорогой Дмитрий Сергеевич!

К сожалению, я в четверг (должна быть дирекция и меня на это заседание вызывают) не могу приехать к Вам сам, а все это дело нужно решать очень срочно — к утру субботы текст «Отчета» с реализацией предложенных редакцией журнала изменений должен быть готов. Поэтому пишу Вам письмо и посылаю все с Анатолием Сергеевичем Деминым.

Прежде всего постараюсь вкратце изложить Вам сущность обсуждения на редакции. Против печатания «Отчета» в его теперешнем виде решительно возражали В. В. Тимофеева [1] и В. А. Ковалев.[2] В. В. считает, что публикация такого «Отчета», по существу, представит как бы выгоду только для Зимина — журнал представляет свои страницы для изложения его точки зрения, не приводя достаточно веских и аргументированных ему возражений. Поэтому печатать можно лишь в том случае, если сразу же после «Отчета» будет помещена Ваша статья, подробно разбирающая концепцию А. А. Зимина и критикующая его. В. А. Ковалев также говорил о недостаточной критике А. А. Зимина, но наиболее существенное его возражение было против второй части «Отчета», где приводятся возражения Зимину уже после собственно отчета о заседании — не ясно, кому принадлежат эти возражения и т. д. К. Д. Муратова [3] сказала, что она считает, что «Отчет» напечатать нужно, но необходимо обязательно сказать, что Вы и Варвара Павловна в ближайших №№ журнала собираетесь выступить со статьями против Зимина. Много говорил Ф. Я. Прийма,[4] но не только по «Отчету», а и по вопросу о докладе А. А. Зимина, об организации этого доклада, о выступлении И. П. Еремина. Я во время его выступления бросил реплику о том, что, к сожалению, Ф. Я., присутствовавший на докладе А. А. Зимина, не нашел нужным и возможным выступить. В конце своего выступления он объяснил это тем, что возражать Зимину в связи со сложностью его доклада так сразу, со слуха, было просто невозможно. Потом, когда говорил я, я сказал, что мне очень приятно отметить это место в выступлении Ф. Я., так как оно показывает, в каком трудном положении оказался на заседании сектор, ибо и для сектора доклад А. А. Зимина явился совершенной неожиданностью и никто к нему специально подготовлен не был.

Бушмин [5] заранее отчет не читал и просмотрел его во время заседания (вина тут, правда, не его — ему почему-то текст заранее не давали). Он сказал, что у

него на первый взгляд, как у неспециалиста по «Слову», создалось впечатление, что если для специалиста многое и в концепции Зимина, и в возражениях ему понятно и убедительно, то для неспециалиста кажется, что точка зрения Зимина обоснована, сильно аргументирована, а возражений, по существу, нет. Однако против печатания в принципе он, в общем-то, не возражал.

Наиболее энергично за печатание статьи ратовал Базанов, ссылаясь на Ваше мнение и мнение Варвары Павловны по этому вопросу. Говорил он и о том, что замалчивание теперь еще хуже, чем печатание сообщения. Вместе с тем он говорил и о том, что, так как это отчет, хроника, то, разумеется, журнал не может требовать переделывать то, что имело место на самом деле и т. д. и т. п.

Я по ходу выступлений давал некоторые реплики и справки и высказал потом вкратце то, что и Вы, и Варвара Павловна написали в своих отзывах.

В результате двухчасового препирательства пришли к такому решению.

Отчет, как отчет о заседании сектора, закончить на заключительном слове Зимина и подписать этот отчет моим именем как составителя (разумеется, примечание о том, что изложение доклада Зимина и его ответного слова даются в изложении докладчика, — остается).

После Отчета с заголовком «От редакции» поместить либо что-то в виде письма от Вас и Варвары Павловны, в котором вы выскажете свой взгляд и свою оценку доклада А. А. Зимина и его концепции, либо какие-то общие слова и дополнительные возражения А. А. Зимину как мнение редакции журнала. Т. е., по существу, в иной форме дать то, что составляло раньше заключительную часть Отчета. При этом высказывалось пожелание, чтобы были добавлены и усилены какие-то возражения Зимину. Кроме того, все настаивали на том, чтобы было сказано где-то, что и Вы, и Варвара Павловна предполагаете в ближайших №№ журнала поместить свои статьи по «Слову».

Я сказал, что против того, чтобы заключительная часть Отчета была дана иначе, чем сейчас, я не только не возражаю, но считаю, что так будет гораздо лучше, тем более, что основным автором этой части являетесь Вы. Вместе с тем я сказал, что ответить за Вас или Варвару Павловну, в каком виде вы посчитаете это лучшим сделать, я не могу. Кроме того, я сказал, что не могу за Вас давать обещание, что Вы за один-два дня сможете написать более сильные возражения, кроме уже представленных Вами в Отчет, на все положения, выдвинутые в изложении доклада Зимина. Я сказал, что сущность всех предложений редакции я доведу до Вашего сведения и что к субботе все будет представлено в редакцию в окончательно отработанном виде. Кроме того, я сказал, что, очевидно, ни Вы, ни Варвара Павловна не будете возражать против разбивки Отчета в его теперешнем виде на две отдельных части, а также и против того, чтобы было сообщено о Вашем и Варвары Павловны намерении в ближайших №№ выступить со статьями.

Я посылаю Вам в предварительно набросанном виде эту заключительную часть «От редакции» в двух вариантах. Посмотрите, какой из них Вам покажется более подходящим. М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, Вы сможете хоть немного что-нибудь усилить (м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, какую-либо общую характеристику и оценку концепции Зимина вообще) и добавить. Для этого я снова посылаю Вам и первую часть — самый «Отчет».

Если Вы сможете сделать все это при А. С. Демине, то отправьте тексты назад с ним. Если это будет неудобно, и чтобы Вам не спешить и не торопиться, то я приехал бы к Вам с утра в пятницу и с новым текстом прямо сразу же от Вас заехал бы к Варваре Павловне, чтобы и ее ознакомить с этим текстом.

Все это необходимо сделать так срочно потому, что уже прислана первая корректура 3-го № журнала и все эти материалы пойдут прямо в текст корректуры.

Характеристику и справку (медицинскую) для поездки в Вену Полина Анисимовна [6] в Москву отослала. Больше ей ничего посылать не надо?

Согласие на поездку в Болгарию я дал, но если к тому моменту, когда надо будет вносить требуемую сумму, я не смогу нигде ее занять (без займа я, к сожалению, хотя Вы почему-то и считаете нас самыми богатыми людьми в секторе, ни сейчас, ни в сентябре такой суммы внести не смогу), то уж тогда ничего не поделаешь, и Вы, пожалуйста, на меня в таком случае не сердитесь, хорошо?

Всего Вам доброго.

Искренне Ваш Л. Дмитриев.

[1] Вера Васильевна Тимофеева — сотрудник сектора советской литературы ИРЛИ, член редколлегии, затем главный редактор журнала «Русская литература» (с 1968 г.), доктор филологических наук (с 1963 г.).

[2] Валентин Архипович Ковалев — заведующий сектором советской литературы ИРЛИ (с 1952 г.), член редколлегии журнала «Русская литература», доктор филологических наук (с 1952 г.).

[3] Ксения Дмитриевна Муратова — заведующая сектором библиографии и источниковедения ИРЛИ, член редколлегии журнала «Русская литература», доктор филол. наук (с 1958 г.).

[4] Федор Яковлевич Прийма — заведующий сектором новой русской литературы (с 1961 г.), доктор филологических наук (с 1961 г.), член редколлегии журнала «Русская литература».

[5] Алексей Сергеевич Бушмин — директор ИРЛИ (1955—65), тогда член-корреспондент АН СССР (с 1960), академик (с 1979 г.).

[6] Полина Анисимовна Черепанова, в те годы инспектор по кадрам ИРЛИ.

22

Письмо Д. С. Лихачева в редакцию журнала «Русская литература»

10 июля 1963.

Уважаемые товарищи!

Акад(емик) Е. М. Жуков [1] сообщил мне сегодня по телефону и просил передать в редакцию журнала «Русская литература», что имеется решение не публиковать материалов по концепции А. А. Зимина до обсуждения его книги, которая будет отпечатана в двенадцати экземплярах и разослана в служебном порядке специалистам (обсуждение будет узким и закрытым). Это решение обязательно и для нашего Отделения, и для Отделения исторических наук (там отказались от печатания ответа М. Н. Тихомирова).

Я изложил Е. М. Жукову свою точку зрения, подчеркнув, что наше молчание может быть крайне невыгодно истолковано за границей.

Е. М. Жуков просил меня переговорить по этому поводу с акад(емиком) П. Н. Федосеевым,[2] который единственно может разрешить печатание. Думаю, однако, что П. Н. Федосеев не сможет разрешить печатание отчета, не видев его. Для пересылки же отчета П. Н. Федосееву и переделок времени, вероятно, нет. Поэтому надо дожидаться обсуждения всей книги А. А. Зимина. Досадно. На съезде славистов мы будем в тяжелом положении. П. Н. Федосееву я все же письмо напишу и копию пришлю в редакцию.

Когда я буду в Ленинграде, я покажу в дирекции письмо А. А. Зимина, на основании которого у нас был поставлен его доклад. Из этого письма видно, что А. А. Зимин ввел сектор в заблуждение относительно содержания своего доклада. В этих условиях ни один сектор не смог бы предвидеть содержание доклада и

принять оборонные меры. Поэтому никакой вины на секторе за постановку доклада А. А. Зимина не лежит.

Не знаю, смогу ли я выполнить обещание и дать статью в защиту «Слова». Если бы был напечатан отчет, я мог бы на этот отчет ссылаться. Но на что сошлюсь теперь я, если и самая работа А. А. Зимина «секретна» и отчет о его докладе не опубликован?

С уважением

Д. Лихачев.

[1] Евгений Михайлович Жуков — академик-секретарь Отделения истории АН СССР, академик (с 1960 г.).

[2] Петр Николаевич Федосеев — вице-президент АН СССР, академик, возглавлял секцию общественных наук АН СССР (1962—67 гг.), член ЦК КПСС.

23

Письмо Д. С. Лихачева П. Н. Федосееву

11 июля 1963.

Глубокоуважаемый Петр Николаевич!

Разрешите мне как специалисту по древнерусской литературе объяснить Вам свою точку зрения на работу А. А. Зимина относительно «Слова о полку Игореве».

Доклад А. А. Зимина был поставлен в Институте русской литературы в отсутствие специалистов по «Слову о полку Игореве» (член-корр. АН СССР В. П. Адрианова-Перетц была больна и находилась вне Ленинграда, я сам лежал в больнице, проф. В. В. Данилов был болен — ему за 80 лет). Докладчик не сообщил о содержании своего доклада, озаглавив его «К изучению Слова о полку Игореве» и не совсем точно (уклончиво) дав о нем сведения в своем письме. Об истинном содержании доклада стало известно только накануне заседания (очередного, рабочего), когда повестки были уже разосланы. Тем не менее сотрудники Сектора древнерусской литературы сделали докладчику довольно внушительные научные возражения.

Доклад А. А. Зимина длился три часа и часть аудитории разошлась, не выслушав возражений А. А. Зимину. Это обстоятельство позволило распространиться слухам, что А. А. Зиминым приведены какие-то серьезные аргументы в обоснование поддельности «Слова». К сожалению, эти слухи широко распространились за границей. Во многих иностранных университетах «Слово» исключено из курсов истории русской литературы. Издательства в Англии и ГДР сняли с производства переводы «Слова» (в ГДР мне удалось убедить вернуть «Слово» в типографию). Я получаю очень много писем из-за границы с просьбой дать сведения о содержании работы А. А. Зимина. Друзья советской науки советуют как можно скорее издать доклад А. А. Зимина, так как иначе распространяются слухи, что А. А. Зиминым приведены неопровержимые факты подложности «Слова», которые недопустимым образом скрываются Академией Наук СССР. В письмах ко мне указывается, что если доклад А. А. Зимина не будет напечатан до съезда славистов, то на съезде славистов советская делегация будет буквально осаждена вопросами. Советским делегатам придется делать импровизированные доклады о точке зрения А. А. Зимина и опровергать ее в невыгодных для нас условиях подозрений. Слависты за границей — в основном преподаватели русской литературы и языка университетов; вопрос о «Слове» для них практический вопрос программ, курсов, руководств, заданий студентам, а также вопрос отношения к русской культуре и

к русской и советской филологической науке, якобы находившейся в заблуждении или нарочно заблуждавшей всех.

Что же представлял собой доклад А. А. Зимина? А. А. Зимин сосредоточил в нем главные аргументы своей работы. Эти аргументы крайне слабы. А. А. Зимин хороший специалист по русской истории XVI века, но он не филолог (а вопрос о подлинности или поддельности памятника — филологический вопрос), не литературовед, не занимался русской историей XII—XVIII веков и свою работу, очевидно, писал в крайней спешке. Ни одного сколько-нибудь серьезного довода в работе А. А. Зимина нет, нет и новых фактов, документов. Самое обилие и «косвенность» разнородных соображений указывает на то, что у А. А. Зимина нет решающих соображений. В основном А. А. Зимин повторяет старые и давно опровергнутые у нас и в иностранной научной печати аргументы А. Мазона, добавляя и разбавляя их крайне неосновательными мелкими соображениями — лингвистическими (А. А. Зимин не лингвист), востоковедными (восточных языков А. А. Зимин не знает) и текстологическими (не учитывая методики текстологических исследований). Огромную литературу о «Слове» А. А. Зимин знает очень плохо, и это также может быть легко доказано.

Опасаться опубликования работы А. А. Зимина нет никаких оснований. Напротив, неопубликование ее только выгодно для А. А. Зимина, делая его всемирно известным таинственным ученым, которому запрещают публиковать свои «выдающиеся» открытия.

Сектор древнерусской литературы подготовил отчет о заседании, на котором обсуждался доклад А. А. Зимина. В этом отчете изложение доклада А. А. Зимина сделано самим А. А. Зиминым и поэтому нельзя будет нас упрекнуть в том, что мы что-то скрыли из его аргументации. Далее идет изложение выступлений и приводятся общие соображения по поводу доклада. Слабость доклада А. А. Зимина видна и из его собственного изложения. Этот отчет способен несколько успокоить разгоряченные умы, а кроме того, он позволил бы советской делегации опровергнуть упреки в том, что мы «скрываем» и не печатаем выводы А. А. Зимина. Отчет должен был быть напечатан в № 3 «Русской литературы» (этот номер выйдет к съезду), но снят из журнала, так как акад(емик) Е. М. Жуков разъяснил мне, что в АН считают нецелесообразным напечатание каких-либо сведений о докладе до обсуждения всей его работы в целом. Следующий номер журнала (4) выйдет только в декабре. Я очень прошу Вас дать указание журналу «Русская литература» напечатать отчет в № 3. Я прошу Вас также дать это указание как можно скорее, так как прошли уже все корректуры этого номера.

Ограничиться отчетом нельзя. Хотя я всей работы А. А. Зимина не читал, но я убежден, что нужно опубликовать всю работу А. А. Зимина, не делая из нее никакой секретности. Так как читать ее будут не только специалисты, а люди, которым по неосведомленности может показаться, что в аргументах А. А. Зимина много нового и убедительного, то публиковать ее надо не отдельно, а в составе сборника «К вопросу о подлинности „Слова о полку Игореве“», где должны быть напечатаны ответы и доказательства подлинности «Слова» — чл(ена)-корр(еспондента) В. П. Адриановой-Перетц, мои, некоторых лингвистов, востоковедов и фольклористов.

С уважением

Д. С. Лихачев.

24

Письмо Л. А. Дмитриева

18 июля 1963.

Дорогой Дмитрий Сергеевич!

Письмо Ваше я получил только сегодня (18 июля) на даче, в Усть-Нарве, поэтому так поздно Вам отвечаю. Письмо Ваше в Институт пришло в понедельник, 15-го числа, когда мы уже ушли в отпуск, и нам переслал его сюда Олег Викторович. Из Ленинграда мы уехали днем 15-го и вот, начиная с вечера 15-го по сегодняшний день, вовсю купаемся и загораем — стоит чудесная погода, и вода в заливе очень теплая. Если такая погода продержится долго, то тут действительно отдохнешь, как на хорошем морском курорте — вода тут по-настоящему морская — соленая, и запах у нее совсем иной, чем в заливе в Зеленогорске, в Молодежном. Во всяком случае, только за 3 дня мы уже отдохнули немного и чувствуем себя коренными дачниками. Нина [1] тоже вовсю купается и загорела, как маленький негритенок.

Письмо Ваше к Федосееву написано, как мне кажется, очень хорошо, спокойно и убедительно. Может быть, только стоило бы упомянуть, что редколлегия «Русской литературы» уже приняла Отчет к печатанию и что вопрос этот специально решался на заседании всей редколлегии.

Я должен Вам сообщить, что после Вашего письма в редколлегию я написал А. А. Зимину о том, что Отчет печататься не будет. После его письма (с его текстом своего доклада, заключительным словом и замечаниями по изложению в Отчете выступлений) и после того, как и Вы, и Варвара Павловна одобрили второй вариант Отчета, я написал А. А. Зимину о том, что все его замечания и предложения учтены и что то, что текст его выступления и заключительного слова даются в его собственном изложении, не только не встретило возражения, но, наоборот, всеми было одобрено. Кроме того, в ответ на его просьбу сообщить, в каком виде будет печататься весь Отчет, я написал ему, что после обсуждения на редколлегии и после внесения в Отчет редакционных поправок и изменений я вышлю ему машинописную копию окончательного вида Отчета до текста его заключительного слова. После обсуждения Отчета на редколлегии я сел писать письмо Вам и попросил в редакции журнала снять копию с первой части Отчета, оканчивающейся заключительным словом Зимина. На другой день с утра (когда к Вам ездил Демин) я сел писать письмо Якобсону с изложением (вернее, просто копией) содержания доклада А. А. Зимина в его собственной редакции и с кратким пересказом сути прений по его докладу. К вечеру приехал от Вас Демин, и все пришлось менять. Письма Якобсону я послать не успел и уничтожил его. Текст для Зимина также еще не был сделан, и я сказал, что его и делать не надо. А. А. Зимину я написал о том, что, когда после долгих дебатов в редакции, где фигурировали Ваше и Варвары Павловны письма, в которых вы настаивали перед редакцией о необходимости напечатать Отчет и именно с его собственным изложением его доклада и заключительного слова и в спокойных, выдержанных тонах (при этом я написал ему, что именно эти письма сыграли решающую роль), было, наконец, принято решение напечатать Отчет, — выяснилось, что Отчет печатать все же нельзя. Я написал ему, что Вам позвонил Жуков и сказал о том, что принято решение никаких материалов о его докладе не публиковать. Писал я ему, что Вы пытались убедить Жукова в необходимости опубликовать Отчет о его докладе, но безуспешно, и что собираетесь писать по этому вопросу Федосееву. Я писал также, что, так как у Вас был не я, то я не знаю, почему Вам позвонил Жуков, и высказал предположение, что если Жуков звонил Вам, зная, что

собираются печатать Отчет о его (Зимина) докладе, то, вероятнее всего, сведения об этом дошли до Жукова от самого же Зимина, так как у нас об этом никто ничего не сообщал никому. Не могли, как кажется, сообщить этого и из «Русской литературы»: как я Вам уже говорил, Базанов после первой поездки в Москву сказал, что в Москве по вопросу о печатании Отчета он ни с кем не говорил. После второй поездки в Москву дирекции (это было уже после заседания редколлегии) Бушмин говорил мне, что в Москве они по поводу печатания Отчета ничего ни с кем не говорили, так как предполагали, что в Москве будут возражать против печатания, а они, де мол, уже решили Отчет печатать на собственный страх и риск.

Я пишу Вам об этом о всем так подробно потому, что Вы в своем письме просите никому и ничего о письме Вашем к Федосееву не говорить, так как не хотите, чтобы об этом знал А. А. Зимин. Теперь-то уж я, конечно, об этом ничего и никому не скажу, да сейчас это было бы очень трудно сделать, но в какой-то степени это уже сделано, и мне хотелось, чтобы Вы знали все это подробно.

Конечно, очень жаль, что Отчет напечатан не будет — если бы он был опубликован, то все сразу же приобрело бы спокойный характер и всем бы облегчило положение. Приходится только удивляться, как этого не могут понять верховные деятели.

Перечитал сейчас еще раз Ваше письмо к Федосееву — очень хорошее во всех без исключения отношениях и в том числе по отношению и к Зимину.

Руфина Петровна Вам кланяется. Передайте от нас большой привет Зинаиде Александровне.

Желаем Вам всего доброго.

Искренне Ваш Л. Дмитриев.

[1] Нина Львовна Дмитриева, дочь Л. А. Дмитриева, ныне сотрудница сектора Пушкиноведения ИРЛИ, кандидат филологических наук.

25

Письмо А. А. Зимина

24 июля 1963.

Дорогой Дмитрий Сергеевич!

Я очень виновен перед Вами. Виновен уже тем, что вольно или невольно доставил Вам волнения как раз тогда, когда Вы больше всего нуждаетесь в покое, заботе и внимании. Зная Вашу сердечность и старинную дружбу, прошу Вас только одно — поймите меня и, если сможете, простите. Мне тоже очень трудно, но иначе я не могу. Я выполняю свой долг перед нашей наукой. Ваша настойчивая борьба за издание хроники о докладе 27 февраля и стремление помочь публикации моей книги вызывают у меня только чувство глубокой благодарности и огромного уважения. Мне Я. С. Лурье сообщил, что Вы обратились с письмом к П. Н. Федосееву с просьбой издать мою книгу или сборник с ее (конечно, полным) текстом. По-моему, это было бы единственно верным решением вопроса. Вы, конечно, знаете о проектах предварительного закрытого обсуждения рукописи или ротопринтного издания. Думаю, что Вы согласитесь со мною, что подобное обсуждение беспримерно и не может удовлетворить ни автора, ни научную общественность. Только беспристрастный суд широкого круга специалистов сможет в конце концов решить эту вековую загадку.

Еще раз от всей души благодарю Вас за все добро, что Вы сделали и для меня, и для нашей науки.

Желаю Вам здоровья и еще раз здоровья.

Всегда Ваш А. Зимин.

26

Письмо А. А. Зимина

21 августа 1963.

Дорогой Дмитрий Сергеевич!

Только что вернулся из своей поездки по Черному морю и был приятно обрадован Вашим дружеским письмом. Отдохнул плохо. Живот все время побаливает. Пью Ессентуки. Но тем не менее запал мой не погас.

Меня очень тронуло Ваше обращение ко мне, как к «ересиарху». Я всегда был поклонником еретиков, начиная от Федора Курицына, кончая Иваном Пересветовым, а вот, оказывается, и сам попал (страшно подумать) в ересиархи. Дорогой Дмитрий Сергеевич! Ваше положение как последнего подвижника правоверия много сложнее. Ведь «Слово о полку Игореве» не объект веры, а предмет науки. А так как я глубоко убежден, что Вы замечательный ученый, то мне остается надеяться на Вашу добрую волю и здравый разум: ведь вопрос о «Слове о полку Игореве», скажу Вам откровенно, но по секрету, по-моему решен, и решен окончательно.

Вы говорите, что считаете мою работу «слабой». Это преждевременно. Ведь и рассказы «свидетелей», и резюме относятся к докладу 27 февраля, а не к работе в целом. Уверен, что, прочитав работу, Вы найдете иные определения для нее. Вы пишете, что, если б у меня были бы доказательства, то я написал бы коротко, а так как у меня «доказательств нет», то понадобилась книга. Я понимаю, что это дружеская шутка. В противном случае мне бы пришлось ссылаться на исследования Д. С. Лихачева и ряда других ученых, которые почему-то считали необходимым для доказательства своих взглядов писать довольно объемистые книги. Впрочем, у сторонников древнего происхождения «Слова» аргументы настолько веские, что никакой существенной разницы нет, изложены ли они в статье газетного типа (см. «Неделю») или в пухлом сборнике. Сила их убедительности одна и та же. Насчет неприятностей, которые я причиняю себе работой, могу сказать только одно. Спокойной жизни мне не нужно. Уверен, что настоящие ученые, как Вы, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий и другие, «неприятностей» причинять не будут. Ну, а что касается людей, стоящих около науки и желающих укусить ближнего, то с ними надо поступать, как они этого заслуживают. И Вы, кстати, никогда не были сторонником компромиссов с подобными «учеными».

Надеюсь, в скором времени смогу Вас познакомить с книгой.

Желаю Вам здоровья и душевного покоя.

Мой поклон Зинаиде Александровне.

Валентина Григорьевна передает Вам самые добрые пожелания.

Всегда Ваш А. Зимин.

27

Письмо А. В. Соловьева

26 августа 1963.

Дорогой Дмитрий Сергеевич,

Получил Ваше письмо и сердечно благодарю Вас за обещание прислать XVIII-й том Трудов.

Вы мне так и не написали, получили ли Вы XV-й томик франц⟨узского⟩ издания соч⟨инений⟩ Л. Толстого.

Мне недавно прислали из Парижа две статьи по поводу доклада Зимина (из газеты, кот⟨орую⟩ я не читаю).[1] Предполагаю, что инициалы Г. С. обозначают Глеба Петр⟨овича⟩ Струве, профессора в Калифорнии, специалиста по советской литературе. Видно, что вопроса о «Слове» он не знает и утверждает, напр⟨имер⟩, что сборник 1962 г. о «Слове» появился «впервые после многих лет молчания о Мазоне». Однако любопытно впечатление, произведенное А. А. Зиминым на Западе, — его приняли всерьез!

Очень жалею, что не удастся с Вами повидаться в Софии. Желаю Вам там научных успехов и интересных впечатлений.

Искренне Ваш А. Соловьев.

[1] Статьи «„Слово о полку Игореве“ — не памятник XII века? Советская научная сенсация», без подписи, и «Еще о „Слове о полку Игореве“», за подписью Г. С., в газете «Русская мысль» (Париж. 1 июня 1963. № 2002; 2 июля 1963. № 2015) — см. Приложение.

28

Письмо Д. С. Лихачева Б. А. Рыбакову [1]

29 августа 1963.

Дорогой Борис Александрович!

До отъезда на съезд остались считанные дни (а ленинградцам, которым надо выезжать заранее в Москву, — совсем мало). Как же быть с А. А. Зиминым? Если ОИН [2] собирается организовать обсуждение его работы до съезда (так ведь предполагалось), то это означало бы повторить опыт февральского заседания, когда А. А. Зимин, действуя по-суворовски, сохранял тайну своего доклада до последнего дня. Ведь работу А. А. Зимина надо не только прочесть. Надо проверить его текстологическую работу по всем спискам «Задонщины». Востоковеды должны проверить его востоковедные домыслы. Фольклористы должны высказать свое мнение о его утверждении, что «Задонщина» — запись исторической песни. Широко должны быть привлечены лингвисты для проверки его различных лингвистических утверждений. И пр⟨очее⟩. По его докладу я знаю, что работа А. А. Зимина требует именно проверки. Надо просмотреть и литературное наследие Иоиля. Ведь вопрос о «Слове» национального значения. Я надеюсь, что с ним не будут торопиться. Ведь это снова дало бы возможность сообщать разные искаженные сведения за границу и кричать «Победихом! Посрамихом!» Меня беспокоит — как организуется обсуждение и достаточно ли осознается необходимость привлекать к обсуждению не только специалистов по древней русской литературе, но и специалистов по литературе XVIII в., лингвистов, востоковедов, архивистов (для проверки данных, почерпнутых А. А. Зиминым из архива Калайдовича и др.). Если обсуждение работы А. А. Зимина мыслится как очередное мероприятие, которое можно быс-

тренько провернуть перед съездом, то я в таком обсуждении участвовать не буду. Хватит с меня февральского заседания. Вопрос о том, кому будет послана работа А. А. Зимина для отзыва, — тоже немаловажный вопрос.

Мы, специалисты по древней русской литературе, едущие на съезд, поставлены в очень тяжелое положение тем, что нам запретили дать отчет о февральском заседании в ж⟨урнале⟩ «Русская литература». Ведь о Зимине и его докладе бог знает что рассказывается за границей, и уже печатается. В Париже напечатан сочувственный А. А. Зимину отчет о его докладе. А наш отчет снят из ж⟨урнала⟩ «Русская литература». Убожество доклада Зимина было бы ясно, если бы его даже просто напечатали, без всяких ему возражений. Сейчас же за границей думают, что Зимин нашел документы!

Надо перед съездом сделать совещание (а не обсуждение работы Зимина — это уже поздно) и решить — что же говорить: не о подлинности «Слова», конечно, а о том, почему нет до сих пор никаких сведений о докладе А. А. Зимина. Отсутствие этих сведений (особенно в статье М. Н. Тихомирова в «Неделе») огромная ошибка.

Замалчивая доклад А. А. Зимина, мы раздули его значение до крайних пределов, а самого его превратили в мученика науки.

По моему убеждению, надо работу А. А. Зимина напечатать полностью в составе сборника «Подлинность „Слова“» с нашими возражающими статьями.

Как Вы поживаете? Были ли в экспедиции и где? Я чувствую себя гораздо лучше, хотя летом снова немного болел.

С искренним приветом и уважением неизменным

Ваш Д. Лихачев.

[1] Борис Александрович Рыбаков — археолог, историк; академик (с 1958 г.), директор Института археологии АН СССР (с 1956 г.), профессор МГУ (с 1943 г.).

[2] Отделение исторических наук АН СССР.

29

Письмо А. В. Позднеева [1]

4 сентября 1963.

Глубокоуважаемый Дмитрий Сергеевич!

На днях мне проф⟨ессор⟩ А. Соловьев (из Женевы) прислал 2 статьи из русской парижской, очевидно, белоэмигрантской газеты «Рус⟨ская⟩ мысль» от 1.VI и 2.VII (эта — с подписью Г. С. — не Глеб ли Струве? — догадывается А. Соловьев) по поводу доклада А. А. Зимина о «Слове о полку Игореве» и газетных заметок, как отметить 775-летие «Слова».

Я снял копии с присланной копии 2-х статей и посылаю их Вам. Если первая статья более или менее объективна, то вторая подчеркнуто публицистична в духе желто-научной прессы. Вам, может быть, были известны подобные выступления, а я с ними встречаюсь впервые.

Это ставит вопрос о «Слове о полку Игореве» на V славист⟨ическом⟩ конгрессе: будет ли оно рассматриваться? Хотя в наших докладах о нем не говорится, но не исключено, что поставят доклад о нем представители западных стран. Не будет сделано специальное заявление о том, что этот вопрос решено не ставить?

Едете ли Вы на конгресс?

Уваж⟨ающий⟩ Вас А. Позднеев.

[1] Александр Владимирович Позднеев — доктор филологических наук (с 1956 г.), профессор кафедры литературы Московского заочного педагогического института.

30

Письмо Б. Н. Двинянинова

10 ноября 1963.

Дорогой Дмитрий Сергеевич!

За щедрую информацию и подробное изложение доклада А. А. Зимина и прений шлю Вам огромное спасибо: просветили меня в Тамбовском всполье! Теперь в общих чертах мне ясна суть дела. Гром-то, оказывается, не из тучи, а из той же мазоновской кучи, правда, тщательно переворошенной и подновленной опытной рукой искусителя.

Нет, не удастся ни А. А. Зимину, и никому другому поджечь белокаменный храм «Слова» из отсыревшей берендейки А. Мазона, в которой и пороху-то на один заряд. Все доводы А. А. Зимина мне представляются чирканьем спичек на ветру — вспыхивают и гаснут, озаряя белый камень веков. Стоит! И выстоит!

Как-то в Андрониевском монастыре я не мог отвести глаз от Николы Зарайского, волшебной кисти Дионисия (из Дмитрова). Там в одном из клейм есть сцена изгнания беса. И бѣсь совершенно реальный. Вот он: ⟨рисунок, изображающий беса. — *Л. С.*⟩.

Так вот, мне кажется, что выступление А. А. Зимина в 1963 году можно уподобить бѣсовскому. И сам он, «бѣсъ полуденный», себе не рад (бѣсъ-то вошел!), мучается. Надо изгнать этого бѣса, и поскорее.

Если допустить, что «Слово о полку Игореве» не просто мистификация, а мистификация оригинальная, т. е. с вывертом, то позволю себе заметить: можно водить в науке за нос год, ну два, наконец, можно морочить голову всю жизнь, но нельзя наводить тень на плетень в течение 150 лет!

При всем при этом — грустно. Доклад А. А. Зимина заставляет задуматься филологов. Надо позарез издать Словарь древнерусской литературы, Словарь «Слова», провести сравнительный анализ «Задонщины» и т. д.

Итак, за изгнание бѣсов!

Всего желаю Вам радостного, а главное — быть здоровым!

Ваш Б. Двинянинов.

P. S. Рукопись, разумеется, никому посылать не буду. Копию снял.

[1] Борис Николаевич Двинянинов — заведующий кафедрой литературы Тамбовского педагогического института (с 1950 г.), кандидат филологических наук (с 1947 г.), доцент.

31

Письмо Д. С. Лихачева В. В. Виноградову

1963 [1]

Академику-секретарю Отделения литературы и языка АН СССР
академику В. В. Виноградову.

Глубокоуважаемый Виктор Владимирович!

Ввиду того, что слухи о работе А. А. Зимина распространились среди славистов всего мира с весьма большими неточностями (утверждается, например, что

А. А. Зимин нашел какие-то новые материалы о создании «Слова о полку Игореве» в XVIII веке Иоилем и привел этому неопровержимые доказательства, которые якобы не смогли опровергнуть присутствовавшие на его докладе в Институте русской литературы АН СССР специалисты (к этой строке примечание: «В действительности по докладу А. А. Зимина с решительными возражениями ему выступили И. П. Еремин, Л. А. Дмитриев и О. В. Творогов, указавшие, в частности, на крайнюю слабость его филологических аргументов, составляющих основу его концепции», — *Л. С.*)), считаю совершенно необходимым издать работу А. А. Зимина.

Это даст возможность специалистам полемизировать с А. А. Зиминым и продемонстрировать слабость его аргументации.

Если работа А. А. Зимина не будет издана, это создаст впечатление, что нами утаиваются какие-то сильные доказательства позднего происхождения «Слова», против которых специалисты якобы не имеют твердых возражений.

Если это необходимо, я мог бы предпослать книге А. А. Зимина введение, в котором дал бы все разъяснения.

С уважением

Д. Лихачев.

[1] Датируется на том основании, что В. В. Виноградов был академиком-секретарем Отделения литературы и языка АН СССР до 1963 г. включительно.

32

Письмо Д. С. Лихачева Е. С. Лихтенштейну [1]

5 декабря 1963.

Глубокоуважаемый Ефим Семенович!

На заседании РИСО снята из проекта плана редподготовки на 1964 г. коллективная монография «Повести о Куликовской битве в их отношении к „Слову о полку Игореве“ (в защиту подлинности последнего)».

Так как в «Задонщине» и в других повестях о Куликовской битве имеются бесспорные заимствования из «Слова о полку Игореве», то внимательное текстологическое исследование этих памятников с несомненностью подтвердит подлинность величайшего памятника русской культуры.

Монография эта была предпринята нами и выполняется в срочном порядке в противовес книге А. А. Зимина, которая сейчас печатается ротопринтным способом и несомненно (ввиду крайне острого интереса к ней за границей и у нас) проникнет повсюду.

Очень прошу Вас помочь восстановить эту монографию в плане редподготовки на 1964 г.

Из всех работ в защиту русской культуры монография эта сейчас самая нужная.

Я удивляюсь — почему присутствовавший на заседании РИСО ученый секретарь нашего института [2] не сумел объяснить значение нашей монографии.

Может быть, мне написать подробное письмо о нашей монографии в Идеологическую комиссию ЦК?

Очень жду Вашего ответа.

С искренним приветом

Д. С. Лихачев.

[1] Ефим Семенович Лихтенштейн — председатель РИСО АН СССР.

[2] Ученым секретарем ИРЛИ был тогда Всеволод Пантелеймонович Вильчинский.

33

Письмо Д. С. Лихачева П. Н. Федосееву

5 декабря 1963.

Вице-президенту АН СССР академику П. Н. Федосееву

Глубокоуважаемый Петр Николаевич!

Вопрос о подлинности «Слова о полку Игореве» остро интересует сейчас филологов и историков всего мира. Сектор древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР предпринял в этом году в срочном порядке специальное коллективное исследование Повестей о Куликовской битве (в первую очередь «Задонщины») в их отношении к «Слову о полку Игореве». Так как в «Задонщине» и других повестях о Куликовской битве конца XIV—XV вв. есть несомненные заимствования из «Слова», то эта работа может с бесспорностью подтвердить подлинность последнего. Работа должна быть закончена в первом квартале 1964 года. Однако на последнем заседании РИСО (3 декабря) работа эта снята из плана редподготовки Издательства на 1964 г. Но ведь это работа в защиту величайшего памятника русской культуры! Ее надо было бы издать немедленно по ее завершении, а не изымать из плана редподготовки на 1964 г.! Такое отношение к нашей работе, в тот момент, когда печатается на ротопринте книга А. А. Зимина, очень обескураживает коллектив защитников «Слова».

Очень прошу Вас помочь восстановить нашу коллективную монографию «Повести о Куликовской битве в их отношении к „Слову о полку Игореве“ (к вопросу о подлинности последнего)» объемом в 40 п(ечатных) л(истов) в плане редподготовки на 1964 г.

Искренне скажу Вам, что я не знаю сейчас гуманитарной работы, которую необходимо было бы издать в защиту русской культуры в более срочном порядке, чем та, о которой я Вам пишу. Ее ждут все педагоги, не только филологи и историки; ее ждут писатели и пр. Слух о книге А. А. Зимина проник всюду.

С уважением

Д. Лихачев, член-корреспондент АН СССР.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1

Слово о полку Игореве — не памятник XII века? Советская научная сенсация [1]

Как это ни странно, до Запада только недавно дошло известие о сенсации, преподнесенной советской научной общественности историком и литературоведом А. А. Зиминым.

Еще в марте [2] месяце Зимин в заседании Отдела древнерусской литературы советской Академии Наук, в Пушкинском доме, прочел доклад о «Слове о полку Игореве». Несмотря на отсутствие какой-либо особой рекламы, доклад собрал огромное количество слушателей [3] (в их числе было и несколько иностранных

студентов и ученых, находящихся сейчас в Ленинграде) и его пришлось перенести из сравнительно небольшого помещения в большой зал Пушкинского Дома. Заседание продолжалось пять часов [4] и, согласно полученным из России сообщениям, носило бурный характер. Несмотря на это, в советской печати о нем до сих пор как будто не было никаких сообщений.

Из сопоставления полученных из разных источников сведений вырисовывается следующая картина:

Зимин утверждает, что ему удалось доказать, что «Слово о полку Игореве» — не подлинное произведение XII века, а, как в свое время утверждал проф. Андре Мазон, написано в XVIII веке. Основным автором этого произведения Зимин считает архимандрита Иоиля (в миру Ивана Быковского) — того самого, у которого Мусин-Пушкин якобы купил рукописный свод, в составе которого было обнаружено «Слово». По словам Зимина, «Слово» было написано архим. Иоилем, которого он называет «замечательным русским писателем», в 70-х годах XVIII века, то есть лет за двадцать до того, как оно было якобы приобретено Мусиным-Пушкиным — и написано без всякого намерения сфабриковать фальшивку, как «книжная былина». Мусин-Пушкин позднее вставил в эту «книжную былину» три исторических эпизода и выдал все за произведение XII века. На чем основаны эти утверждения Зимина и какими другими доводами он оперировал, остается пока неясным. На заседании в Пушкинском Доме ряд ученых выступил с возражениями Зимину. В их числе называют И. П. Еремина, Я. С. Лурье и Л. А. Дмитриева.

Сторонники подлинности «Слова» считают аргументы Зимина неубедительными и характеризуют их как повторение того, что уже давно сказал Мазон и что было отвергнуто единогласно советскими специалистами по древнерусской литературе и большинством их коллег на Западе. Но это явно не так.

В выдвинутой Зиминым теории есть несколько совершенно новых элементов. Прежде всего это имя архим. Иоиля, ролью которого во всей истории со «Словом» до сих пор никто серьезно не занимался и о котором нельзя найти сведений почти ни в одном из серьезных справочных изданий. Позволительно предположить, что Зимину удалось найти какие-то писания арх. Иоиля, до сих пор, может быть, остававшиеся неизвестными. Во-вторых, Зимин впервые устанавливает датировку написания «Слова» — 70-е годы. Почему 70-е, а не 80-е или не 90-е? Для этого у него должны быть какие-то основания — простая гипотеза или догадка не имела бы никакой цены. В-третьих, Зимин определяет написанное Иоилем «Слово» как «книжную былину» — для употребления этого термина у него должны быть опять-таки какие-то основания, он должен был его где-то разыскать. И наконец, в-четвертых и в-последних, Зимин различает между «книжной былиной» Иоиля и историческими эпизодами, вставленными или добавленными Мусиным-Пушкиным. Такое утверждение также не имеет никакой цены, если оно является плодом субъективного домысла. Для того чтобы разграничить в известном нам произведении его первоначальное ядро и позднейшие наслоения или добавления, необходимо располагать какой-то «документацией».

Все это обстоятельства, о которых мы пока еще недостаточно знаем. Но можно наперед сказать, что относительно молодой советский ученый — и притом не специалист по самому раннему периоду русской литературы — едва ли бы решился бросить вызов всему сонму советских литературоведов и посягнуть на такое произведение, как «Слово» (особенно вскоре после того, как виднейшие советские ученые в сборнике, озаглавленном «„Слово о полку Игореве" — памятник XII века»,[5] еще раз безоговорочно утвердили подлинность «Слова» и с негодованием отвергли все «покушения» на него), если бы у него, Зимина, не было ничего, кроме остроумной гипотезы и произвольного субъективного домысла.

Полученные из России из хороших источников сведения говорят, что, хотя Зимин первоначально собирался выступить еще с одним предварительным докладом в заседании Отделения Литературы и Языка Академии Наук, он сейчас решил от этого выступления отказаться. Им уже вчерне подготовлена книга размером в 15 печатных листов, в которой он изложит свою теорию. Книга эта покажет, насколько убедительны его доводы. Во всяком случае знаменательно уже то, что он имел возможность выступить со своим сенсационным докладом и что издание книги — дело решенное. По сведениям из Ленинграда, на докладе Зимина не присутствовали виднейшие советские ученые, упорно отстаивающие подлинность «Слова»: не было (по болезни) Д. С. Лихачева, не было В. П. Адриановой-Перетц, не было проживающего в Москве Н. К. Гудзия.

Александр Александрович Зимин до сих пор был известен главным образом работами по истории и литературе XVI века. Имя его в советской науке появилось как будто во второй половине 50-х годов. За последние годы им написаны такие большие труды, как «Реформы Ивана Грозного» и «И. С. Пересветов и его современники». Вместе с Я. С. Лурье он редактировал «Послания Иосифа Волоцкого». Он был также соредактором сборника статей под названием «Международные связи России до XVII века». В «Трудах Отдела Древнерусской Литературы» им за последние годы напечатаны работы о Пересветове, об Ермолае-Еразме, о «Беседе Валаамских чудотворцев». Он занимался также редактированием древних актов и составил руководство по методике такого редактирования, что свидетельствует о его компетентности в области текстологии.

Известие о выступлении Зимина вызвало большой интерес среди славистов в Западной Европе и Америке. Даже если Зимину и не удалось и не удастся доказать на все сто процентов, что «Слово» написано в XVIII веке Иваном-Иоилем Быковским, им будет дан новый толчок спорам об этом вызвавшем уже столько споров и прений произведении.

[1] Опубликовано: Русская мысль. Париж. 1 июня 1963. № 2002.

[2] Неточность: доклад состоялся 27 февраля.

[3] В секторской книге расписалось 110 человек, в том числе несколько иностранных гостей. Многие из присутствовавших были, очевидно, приглашены докладчиком.

[4] Заседание действительно продолжалось дольше обычного и проходило с перерывом. Однако вряд ли оно длилось 5 часов. Более точным представляется сообщение, что оно проходило в течение 3-х часов.

[5] Сб. «„Слово о полку Игореве“ — памятник XII века» издан в 1962 г.

2

Еще о «Слове о полку Игореве» [1]

Советская печать до сих пор молчит о прочитанном А. А. Зиминым в Ленинграде докладе, в котором он выдвинул теорию о том, что «Слово о полку Игореве» — произведение 18-го века и что автором его является архим. Иоиль (Быковский). Но за последние месяцы в «Литературной газете» появились два письма, напоминающих о том, что в этом году исполняется 775 лет со времени написания «Слова» (советские историки литературы приурочивают написание его к 1187 году, и в 1938 г. в Советском Союзе был торжественно справлен 750-летний юбилей «Слова»).

Одно из этих писем появилось совсем недавно, а именно 21 мая. Оно подписано несколькими известными писателями, композиторами и художниками. Среди подписавшихся находим имена Анны Ахматовой, Корнея Чуковского, Николая Асеева, Павла Антокольского, композитора Ю. Шапорина, художников В. Фавор-

ского и П. Корина (получившего в этом году Ленинскую премию) и несколько других, менее известных лиц (почему-то отсутствуют имена таких знаменитостей, как Шолохов, Федин, Леонов, Шостакович, Кончаловский). Авторы письма «присоединяют свой голос» к ранее напечатанному в «Литературной газете» письму «видных историков русской литературы» и призывают советские культурные и общественные организации «откликнуться на предстоящие дни, посвященные 775-летию „Слова о полку Игореве“» и «организовать чтения и выставки, вечера и читательские конференции, посвященные „Слову“».

Не может не показаться странным, что это «присоединение» деятелей литературы и искусства к «призыву» историков литературы произошло три с лишним месяца спустя после того, как этот призыв был опубликован. Он появился в «Литературной газете» еще 5 февраля. Еще более странное впечатление производят подписи «видных историков литературы» под этим первым письмом. Среди них нет ни одного видного специалиста по древней русской литературе и по «Слову», в частности — ни Н. К. Гудзия, ни Д. С. Лихачева, ни В. П. Адриановой-Перетц. Под письмом, напечатанным не особенно заметно (и многими, говорят, даже в Москве не замеченным) на второй странице газеты — всего шесть подписей.

Из подписавшихся только трое могут быть охарактеризованы как более или менее широко известные историки литературы: А. Н. Соколов (автор большого труда о русской поэме 18-го и 19-го вв.), А. И. Ревякин и Ф. М. Голов(ен)ченко (тоже специалисты по 19-му веку). Голов(ен)ченко с тех пор скончался. Остальные имена принадлежат менее известным ученым. Из них А. В. Позднеев занимался русской литературой древнего периода, труды проф. А. М. Новиковой пишущему эти строки неизвестны, и только С. В. Шервинский имеет прямое отношение к «Слову»: он исполняет обязанности секретаря Постоянной комиссии по «Слову о полку Игореве» при Союзе Писателей СССР и является переводчиком «Слова» на современный русский язык и автором нескольких статей о нем. Авторы письма напоминают о том, как был отмечен 750-летний юбилей «Слова», привлекший внимание и за границей, хотя «Слово», говорят они, там знали тогда только немногие специалисты литературы (именно тогда выступил со своими лекциями о «Слове», как подделке 18-го века, проф. Андре Мазон, но об этом авторы письма не упоминают).

Свое письмо авторы его заканчивают предложением литературной общественности «отметить 775-летний юбилей „Слова о полку Игореве“ и в связи с этим обратить внимание на многие проблемы, касающиеся „Слова о полку Игореве“ и еще не решенные», ибо «историческое, эстетическое, гуманистическое значение „Слова“ поистине неисчерпаемо и составляет драгоценную частицу духовных сокровищ нашего народа».

Письмо это появилось приблизительно за месяц до ленинградского доклада А. А. Зимина, когда в научных кругах должно было уже быть известно о его предстоящем выступлении.[2] Может быть, в нем следует видеть поэтому начало кампании против Зимина, хотя имя последнего ни разу не было даже упомянуто до сих пор. Обращает также на себя внимание большая статья-рецензия упомянутого выше С. В. Шервинского в мартовском номере журнала «Вопросы Литературы» под заглавием «Памятник древнерусской литературы». Это — отзыв о вышедшем в прошлом году коллективном труде, озаглавленном «Слово о полку Игореве — памятник XII века», в котором Д. С. Лихачев, Н. К. Гудзий, В. П. Адрианова-Перетц и другие впервые после многих лет молчания о Мазоне и его теории ополчаются на французского ученого и защищают подлинность «Слова». В объяснение этого Д. С. Лихачев в предисловии к сборнику пишет, что, хотя «Слово» и не нуждается в защите перед лицом специалистов, «в широких кругах

читателей, особенно за границей, могут создаться неправильные представления о том, будто бы противники „Слова" обладают какими-то сильными аргументами». Шервинский говорит о «затянувшемся споре» с противниками «Слова» и заканчивает свою рецензию так: «Рецензируемая книга должна положить конец одному из самых неоправданных заблуждений в истории литературы».

Невольно встает вопрос: известно ли было авторам сборника о том, что известный советский ученый собирается вновь поднять вопрос о подлинности «Слова», которая ни у авторов сборника, ни у Шервинского не вызывает ни малейших сомнений? И каким образом получилось, что с одной стороны Зимину дана была возможность выступить со своим докладом, а с другой стороны доклад его был полностью замолчан? Является также вопрос, получит ли Зимин возможность опубликовать свою книгу.

Говорят, что по Москве сейчас ходит шутка: отсрочка идеологического пленума объясняется, мол, тем, что Никита Сергеевич еще не решил, какую научную позицию ему занять в отношении теории Зимина. В более серьезной плоскости из Москвы сообщают, что часть материала, на основании которого Зимин пришел к заключению об авторстве Иоиля Быковского, найдена им в Чернигове. В некоторых западных научных кругах высказывается пожелание о том, чтобы Зимину дана была возможность обосновать свою теорию на предстоящем в сентябре международном съезде славистов в Софии, в присутствии и с участием иностранных ученых, в обстановке научной беспристрастности.

Г. С.

Г. П. Струве

[1] Опубликовано: Русская мысль. Париж. 2 июля 1963. № 2015.

[2] Это предположение неверно. Сотрудникам сектора древнерусской литературы основной тезис докладчика стал известен лишь накануне или в день доклада. Ничего не знали о работе Зимина и в Институте истории, где он работал (см. письмо № 15).